

A dark, industrial interior with a person walking away in a narrow corridor. The scene is filled with pipes, metal structures, and debris, creating a somber and claustrophobic atmosphere. The lighting is dim, with a blueish tint, highlighting the textures of the metal and the shadows in the corners.

Мэкс Бабич

Резонанс: Пробуждение бездны

18+

Мэкс Бабич

Резонанс: Пробуждение бездны

«Автор»

2026

Бабич М.

Резонанс: Пробуждение бездны / М. Бабич — «Автор», 2026

Вода помнит всё. Десять лет назад детектив Марк Рэй нашёл в архиве странные дела. Рабочие откачивающей станции погибли странными смертями. Дело закрыли. Теперь всё вернулось. Марк видит то же самое: вывернутое тело, чёрная жидкость в лёгких, неестественная улыбка на лице. Он начинает расследование, не подозревая, что вступает в игру, правил которой не знает. Чёрная вода меняет тех, кто её пьёт. Она показывает им места, которых не существует. Марк думает, что ищет убийцу. На самом деле он ищет ответ на вопрос: что станет с человечеством, когда вода поднимется из глубин? А вода уже поднимается.

Мэкс Бабич

Резонанс: Пробуждение бездны

Глава 1

«Резонанс: Пробуждение бездны»
(часть 1)

Максим Бабич

«Есть двери, которые лучше не открывать. Есть глубины, в которые лучше не смотреть. Есть вопросы, на которые лучше не знать ответов.»

Глава 1. Зов бездны

Это не было похоже на сон. Сон оставляет после себя липкую дымку, ощущение нереальности, которое рассеивается с первым лучом солнца. Это же было абсолютной, неоспоримой реальностью, впаянной в его сознание раскаленным железом.

Он стоял на палубе, которая трещала и стонала, как переламываемые кости. Вокруг бушевало не море, а черная, вязкая, маслянистая бездна. Она пахла не солью, а медью, гнилью и озоном — запахом древней, застоявшейся смерти, которая копила силу миллионы лет. Воздух был настолько тяжелым, что каждый вдох обжигал легкие, словно он глотал битое стекло.

Под поверхностью что-то двигалось.

Он не видел этого четко — его разум, защищаясь, отказывался фокусировать зрение, подсовывая вместо этого обрывки: неестественно бледную, бугристую плоть, гигантские тени, движущиеся с вывихнутой, тошнотворной плавностью, нарушающей все законы физики. Вода вокруг шхуны начала вздыбляться, образуя горбы, которые заслонили собой небо.

Он попытался закричать, но из горла вырвался лишь хриплый, сдавленный звук. Паника не пришла. Вместо нее наступило нечто гораздо хуже: холодное, абсолютное, парализующее понимание неизбежности. Он был ничтожен. Он был насекомым под лупой безумного бога, и сейчас его раздавят.

Борт треснул с оглушительным грохотом. Черная вода хлынула внутрь. Она была ледяной, плотной, как ртуть. Она ворвалась ему в рот, в нос, заполнила легкие обжигающим холодом и запахом бездны. Он начал тонуть. Он чувствовал, как жизнь покидала его, как темнота смыкалась над головой, как что-то огромное и скользкое обвивало его лодыжку, утягивая вниз, в циклопический мрак...

И тут реальность ворвалась в него с тупым, оглушительным ударом.

Не мягкое пробуждение, а жестокий физический шлепок.

Воздух с визгом вырвался из его легких. Холод был не метафорическим — он пронзал каждую мышцу, каждый нерв. Он дернулся, инстинктивно пытаясь вдохнуть, и вместо воздуха в рот хлынула едкая, химическая жидкость.

Он закашлялся, захлебываясь, его руки в панике метнулись в стороны и ударились о гладкую, скользкую преграду. Не бескрайняя пучина. Стена. Твердая, кафельная стена.

Он забарахтался, его разум все еще бился в конвульсиях кошмара, но тело уже регистрировало другие сигналы. Резкий, до тошноты знакомый запах. Хлорка.

Он вынырнул, жадно, судорожно глотая воздух, который обжигал горло. Вокруг царил давящая, абсолютная тьма. Только звук его собственных брызг и хриплое, рвущееся дыхание

нарушали тишину. Он ничего не видел, но кожей, всем своим существом чувствовал масштаб этой ловушки. Огромная чаша, наполненная тяжелой, мертвой водой.

Щелчок.

Где-то в вышине с глухим, вибрирующим гудением, похожим на жужжание разъяренного шершня, включились мощные прожекторы. Свет был резким, болезненно-белым, выхватывающим детали с беспощадной, хирургической четкостью.

Он прищурился, отплеываясь. Бледно-голубая плитка. Почерневшие от сырости швы. Широкие бетонные дорожки. Это был бассейн. Олимпийских масштабов, пустой и мертвый посреди ночи.

Его мозг, все еще отравленный ядом сна, на долю секунды попытался наложить образ черной бездны на эту голубую воду, но реальность была неумолима. Он был здесь. Он, взрослый мужчина, встал среди ночи, прошел сквозь всю квартиру, миновал двери и оказался здесь. Лунатизм. Проклятая, предательская поломка в его собственной голове.

Внезапно вода рядом с ним взорвалась.

Чья-то рука, сильная и безжалостная, вцепилась ему в воротник промокшей насквозь футболки.

— *Дыши! Дыши, черт тебя возьми!* — прохрипел знакомый голос, дрожащий на грани срыва.

Его рывком вытащили из воды и швырнули на шершавый бетон. Он закашлялся, выталкивая из легких остатки воды, его тело билось в неконтролируемой дрожи. Через пелену перед глазами он увидел её.

Кира стояла над ним. На ней была его старая фланелевая рубашка, надетая на голое тело. Она была мокрая до пояса, волосы прилипли к бледному, искаженному яростью и ужасом лицу. В одной руке она сжимала тяжелый фонарь, в другой — конец толстой нейлоновой веревки.

Он опустил взгляд. Веревка была плотно, узлом моряка, привязана к его собственной лодыжке. Второй конец она держала в руке, как поводок. Как последнюю нить, удерживающую его в мире живых.

— *Ты...* — выдавил он, его зубы выбивали барабанную дробь. — *Кира, я...*

— *Молчи!* — её голос сорвался на визг, эхом отскачивший от кафельных стен. Она присела на корточки, и в свете фонаря он увидел в её глазах не просто злость. Там был глубокий, животный страх. Страх человека, который только что видел, как его близкий медленно уходит на дно. — *Я же молила тебя! Я умоляла! Ремни! Я купила тебе чертовы ремни! Замки на дверь! Цепи, в конце концов!*

Её пальцы впивались ему в плечи — крепкие, горячие, живые. И в этом прикосновении было что-то странное. Не просто тепло человеческого тела. Что-то другое. Как будто где-то в глубине его груди, под рёбрами, щёлкнул невидимый тумблер. Тихий. Едва уловимый. Как если бы две струны, которые всегда были настроены в унисон, вдруг натянулись одновременно.

Марк моргнул, пытаясь понять, что это было. Но ощущение уже ускользало, растворялось в холоде воды и в ярости её голоса.

Она схватила его за плечи, встряхнула так, что у него в ушах звякнуло, а зубы стукнули.

— *Но нет! Тебе, видишь ли, «некомфортно» спать привязанным! Тебе «снятся кошмары» от ощущения несвободы!* — она горько, истерически усмехнулась. — *А знаешь, что мне снится, а? Мне снится, как я вытаскиваю твой раздувшийся, синий труп из этой чертовой чаши, потому что твой больной мозг решил, что ты должен умереть в воде!*

Она отпустила его, тяжело дыша, и провела дрожащей рукой по лицу, размазывая воду. Её руки тряслись так сильно, что фонарь в её хватке ходил ходуном.

— *Вставай,* — тихо, но с железной твердостью сказала она, швыряя ему сухое, грубое полотенце. — *Вставай и иди домой. И молись, чтобы завтра утром ты смог объяснить мне,*

какого хрена твой мозг решил вспомнить старые привычки после трех лет тишины. Потому что я больше не буду играть в спасателя. Я не выдержу еще одного такого раза.

Он схватил полотенце. Ткань пахла стиральным порошком и её духами. Этот земной, бытовой запах должен был успокоить. Но когда он, кутаясь в него, поднял взгляд на черную, неподвижную гладь бассейна, его желудок сжался в холодный комок.

Он не помнил, как дошел сюда. Но он точно помнил то чувство из сна. То самое, липкое ощущение, что он не просто оступился. Что эта вода ждала его.

Утренний город встретил его свинцовым, низко нависшим небом и запахом мокрого асфальта, смешанного с выхлопными газами. Обычный, серый, до боли знакомый понедельник. Но под кожей у него всё ещё пульсировал ледяной ритм ночи, а в волосах, сколько бы он их ни мыл, чудился тот самый едкий, въедливый запах хлорки.

Он шел на работу, засунув руки в карманы пальто, и пытался заставить свой разум работать как следует. Ему нужно было восстановить картину. Прошлую ночь, и все те ночи до неё.

Сны не были просто хаотичным набором образов. Он чувствовал это нутром, той же частью мозга, что отвечает за инстинктивное чувство опасности. Они пытались что-то сказать ему. Показать. Но попытка вспомнить их была похожа на попытку удержать ртуть голыми руками: стоило сфокусироваться на одной детали, как она просачивалась сквозь пальцы, оставляя лишь холодный, металлический привкус тревоги.

Так, по порядку, думал он, перешагивая через лужу, в которой отражалось искаженное лицо рекламного щита. *Море. Но не вода, а что-то более плотное. Черное. И эти тени под поверхностью... Они не просто плавали, они выстраивались в узоры. В геометрию, от которой при воспоминании начинала тупо ныть затылочная часть черепа.*

Он пытался сцепить этот образ с другими обрывками, плавающими в мутном омуте его памяти. *Был ли там город? Или это были руины циклопических масштабов, сложенные из камня, который не должен существовать в природе?* Он морщил лоб, напрягая извилины, но наткнулся лишь на пустоту. Информации было слишком много, и она была какой-то... неправильной. Он забывал цвета, путал последовательность событий. Звук трескающейся мачты смешивался с гулом вентиляторов в его собственной квартире.

Идиот, ругнул он себя. *Нужно было купить блокнот. Положить его на тумбочку. Записывать сразу, как только открываешь глаза, пока этот бред не выветрился, как утренний туман.*

Но он не записывал. Он отмахивался, списывал на стресс, на переутомление. А теперь его память напоминала сгоревший жесткий диск: фрагменты данных есть, но собрать их в читаемый файл невозможно. Он чувствовал, что где-то в этой каше из забытых образов кроется ключ, разгадка того, почему его подсознание вдруг решило вытащить его из постели и швырнуть в холодную воду. Но ключ этот был скользким и ускользал в последний момент.

— *Эй! Стой, не беги так, будто за тобой гонится налоговая!*

Голос раздался сзади, прорезая его мрачные размышления. Он обернулся.

Кира догоняла его быстрым, уверенным шагом. На ней было строгое бежевое пальто, шарф, небрежно повязанный на шее, и в руках она держала два бумажных стаканчика с кофе. Пар поднимался от них тонкими струйками, растворяясь в сыром утреннем воздухе. Выглядела она свежо и собранно, полная противоположность его собственному помятому, серому состоянию.

Она поравнялась с ним и молча протянула один из стаканчиков. Он взял его, чувствуя, как тепло обжигало озябшие пальцы.

— *Спасибо,* — пробормотал он, делая глоток. Горький, крепкий кофе немного прояснил сознание, выгоняя остатки хлорки из головы.

— *Не за что*, — она вздохнула, и её взгляд стал внимательным, сканирующим, как у опытного врача или следователя, осматривающего место преступления. — *Ты выглядишь как выжатый лимон, который к тому же забыл, как быть лимоном.*

Они пошли дальше, в ногу, их шаги отбивали ритм по мокрому тротуару.

Их плечи почти касались. И в этих мимолётных соприкосновениях — ткань пальто о ткань пальто, тепло её руки через рукав — Марк снова почувствовал это. Тот самый шелчок. Тихий, почти неслышимый. Как если бы где-то далеко, за пределами его сознания, кто-то настраивал радио на его частоту.

Он покосился на Киру. Она смотрела вперёд, сосредоточенная, с тем самым выражением лица, которое было у неё, когда она решала сложную задачу в лаборатории. Она ничего не чувствовала. Или делала вид.

Стресс, — сказал себе Марк. *Просто стресс после ночи. Мозг ищет опоры. Цепляется за близкого человека.*

Но ощущение не уходило. Оно осталось — тёплое, странное, почти... знакомое. Как если бы они с Кирой были двумя камертонами, которые когда-то ударили по одному и тому же предмету, и теперь их звуки тихо резонировали, даже когда один из них молчал.

— *Как ты вообще?* — спросила она, и в её голосе, несмотря на привычную едкость, сквозила настоящая, глубокая тревога. — *В смысле, не только после вчерашнего купания. Как самочувствие? Голова не трещит?*

— *Жить можно*, — он пожал плечами, стараясь звучать беззаботно, но голос предал его, прозвучав хрипло. — *Просто... не выспался. Пытаюсь вспомнить, что мне снилось, чтобы понять, зачем мой мозг решил устроить мне ночную экскурсию. Но там каша. Сплошная, липкая каша.*

Кира нахмурилась, остановилась на секунду и посмотрела на него поверх края своего стаканчика.

— *Вот это меня и беспокоит*, — тихо сказала она. И в этой тишине было что-то тяжелое. — *Марк, ты не лунатил три года. Три года, слышишь? Я уже выкинула те чертовы ремни, я перестала ставить дополнительные замки. Я думала, это прошло.*

Она снова шагнула вперед, и её голос стал тише, почти шепотом, несмотря на шум утреннего города вокруг.

— *А теперь ты не просто ходишь по квартире. Ты идешь к воде. И ты смотрел на эту воду так, будто искал в ней что-то конкретное. Скажи мне честно... ты хоть что-нибудь понял из того, что тебе снилось? Или твой мозг просто решил вспомнить старые привычки?*

Он сжал стаканчик в руке, чувствуя, как картон деформируется. Три года. Она права. Три года абсолютной, спокойной темноты. И вдруг — этот прорыв. Эта черная, маслянистая бездна, которая пыталась что-то показать ему.

— *Я не знаю*, — честно ответил он, и правда этого признания повисла между ними холодным туманом. — *Но мне кажется, Кира... мне кажется, я что-то упустил. Что-то очень важное.*

Глава 2. Геометрия безумия

Полицейский участок встретил их знакомым, тошнотворным симфоническим оркестром бюрократии. Воздух здесь всегда был спертый, пропитанным запахом остывшего дешевого кофе, озона от перегревшихся копиров и той особой, липкой безысходностью, которая оседает на стенах там, где ежедневно сталкиваются с человеческой гнилью.

Кира шла на полшага впереди, её каблук отбивали по линолеуму четкий, уверенный ритм. В своем белом халате криминалиста, перекинутом через руку, она выглядела как островок здравого смысла в этом море хаоса. Она кивнула ему на прощание у развилки коридоров,

направляясь в свою стерильную лабораторию, оставив его одного наедине с его гудящей, разбитой головой.

Он, помощник детектива с трехлетним стажем и репутацией человека, который «слишком много думает», направился в зал совещаний. Его веки были тяжелыми, словно к ресницам привязали свинцовые грузила. Каждый шаг отдавался тупой болью в висках. Он пытался удержать в фокусе обрывки ночного кошмара, но они рассыпались, стоило ему моргнуть.

Зал совещаний был похож на бункер: никаких окон, только матовые пластиковые панели и длинные столы, покрытые царапинами и кольцами от кружек. Под потолком гудели люминесцентные лампы. Их низкий, вибрирующий гул давил на слух, создавая навязчивое и тревожное ощущение, что потолок вот-вот не выдержит и рухнет на головы присутствующих.

Детективы рассаживались, перешептываясь, потягивая кофе из бумажных стаканчиков. Атмосфера была сонной, рутинной. До тех пор, пока в комнату не вошел майор Хейнс.

Хейнс выглядел совершенно измотанным: ввалившиеся глаза, сутулая спина и такое выражение лица, будто он не спал неделю и тащил на себе тяжесть всего мира. Его лицо было серым, мешки под глазами набухли, как темные водяные грыжи. Но в его взгляде не было привычной усталости. Там читалось нечто иное. Тревога. Та самая, первобытная, которая заставляет волосы на затылке вставать дыбом.

Он швырнул толстую папку на стол. Глухой шлепок заставил замолчать даже самых громких болтунов.

— *Слушаем внимательно, и без глупых шуток*, — голос Хейнса прозвучал хрипло, как трение наждачной бумаги о ржавый металл. — Сегодня ночью, в 03:45, патрульные получили вызов в Нижний город. Сектор 4. Старый жилой комплекс «Орион», подвальный уровень.

По комнате пробежал глухой ропот. Нижний город. Место, куда солнечный свет заглядывал только по большим праздникам, а воздух там всегда пах сыростью, машинным маслом и забытыми жизнями.

— *Частный, заброшенный бассейн*, — продолжил майор, и его пальцы нервно забарабанили по папке. — *Соседи жаловались на шум. Думали, опять подростки ломанулись поплавать. Но когда патрульные спустились вниз...*

Хейнс помедлил.

— *Это не несчастный случай. И это не обычное утопление.*

Он щелкнул пультом, и на экране проектора появилось изображение.

Марк подался вперед, и его сердце пропустило удар, глухо стукнувшись о ребра.

На фото был бассейн. Огромный, с бледно-голубой плиткой и почерневшими от сырости швами. Точь-в-точь как тот, в котором он барахтался несколько часов назад. Но на этом фото вода была мутной, с неестественным, маслянистым отливом. А посередине, лицом вниз, плавало тело.

— *Жертва — мужчина, около сорока лет*, — монотонно зачитывал Хейнс, но его голос дрогнул на последней фразе. — *Внешних признаков насильственной смерти нет. Ни ударов, ни ножевых, ни следов борьбы. Но...*

Майор переключил слайд. Фотография была сделана уже в морге, тело лежало на стальном столе. Оно было вывернуто. Не сломано, а именно вывернуто, словно невидимые гигантские руки пытались сложить его в форму, не предусмотренную человеческой анатомией. Суставы были вывихнуты под неестественными, режущими глаз углами.

— *Патологоанатом предварительно осмотрел его*, — Хейнс облизнул сухие губы. — *Его легкие заполнены жидкостью. Но это не вода из бассейна. И не хлорка. Анализ покажет точнее, но на вид это... вязкая, черная субстанция. Пахнет медью и озоном.*

В зале повисла мертвая, звенящая тишина. Кто-то нервно сглотнул.

Марк почувствовал, как холодная волна прокатилась по его позвоночнику, начиная от затылка и заканчивая копчиком. Его руки, спрятанные под столом, начали мелко дрожать.

Медь. Гниль. Озон. Подумал про себя Марк.

Те самые запахи, которые он вдыхал в своем сне. Та самая черная, плотная вода, которая заполнила его рот и потянула на дно.

Он поднял взгляд на экран, на искаженное, неестественно вывернутое тело, и вдруг с ужасающей ясностью осознал: его мозг не просто устроил ему ночную экскурсию. Его подсознание было там. Или оно было там, и оставило ему приглашение.

— *Кира уже в лаборатории, она займется анализом этой... жидкости,* — сказал Хейнс, закрывая папку. — *А ты,* — он ткнул пальцем в его сторону, — *поедешь на место. Осмотришь все. Найди мне хоть что-то, что имеет смысл. Потому что сейчас это похоже на бред сумасшедшего.*

Марк кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Его рот пересох, а в ушах все еще стоял тот самый вибрирующий гул, который он слышал перед тем, как погрузился в черную воду.

Лаборатория криминалистики пахла формалином, изопропиловым спиртом и той особой, холодной стерильностью, которая должна была маскировать запах смерти, но на деле лишь подчеркивала его. Гул центрифуги и мерное капание где-то в раковине создавали ритм, от которого у него, и без того разбитого, начинала пульсировать височная артерия.

Кира стояла у стола с образцами, спиной к двери. На ней был надет защитный халат, перчатки и маска, но он узнал её по напряженной, окаменевшей линии плеч. Она не услышала его шагов, погруженная в созерцание чего-то под ярким светом настольной лампы.

— *Кира,* — тихо позвал он, закрывая за собой дверь. Щелчок замка прозвучал в тишине как выстрел.

Она вздрогнула, резко обернулась. Подняв маску на лоб, она посмотрела на него. В её глазах, обычно таких цепких и насмешливых, сейчас плескалась неуверенность. Это пугало его больше, чем любой крик прошлой ночью.

— *Ты должен был уже ехать в Нижний город,* — сказала она, и её голос прозвучал глухо, без привычной колкости.

— *Майор дал мне десять минут. Скажи мне, что ты нашла в этой жидкости из его легких. И не говори мне, что это просто грязная вода. Я видел это тело, Кира. Я видел эти вывихи.*

Она медленно сняла перчатки, бросив их в контейнер для биоотходов с глухим шлепком. Подошла к монитору на стене и нажала несколько клавиш. Экран мигнул, и на нем появились две колонки с данными и фотографиями. Слева — сегодняшние снимки. Справа — старые, зернистые, с пометкой «АРХИВ».

— *Ты прав. Это не вода из бассейна,* — начала она, и её палец указал на спектральный анализ. — *Это вязкая, насыщенная органикой субстанция. Но самое страшное не это. Смотри сюда.*

Она увеличила фрагмент фотографии. На снимке было крупным планом запястье жертвы. Кожа была бледной, почти прозрачной, а под ней, вдоль вен, проступал странный, едва заметный узор. Не татуировка. Словно капилляры лопнули, образовав тонкие, ветвящиеся линии, напоминающие коралловые рифы или нейронные связи.

— *Микроскопические разрывы сосудов, образующие этот узор,* — тихо сказала Кира. — *И специфический набор анаэробных бактерий в этой черной жидкости. Бактерий, которые не должны выживать в хлорированной воде. Они живут только в абсолютной темноте, под огромным давлением.*

Она перевела взгляд на него, и в её глазах он увидел отражение собственного страха.

— *Я прогнала это через базу данных, Марк. На совпадения. И знаешь, что я нашла?*

Она кликнула мышкой. Старая фотография справа выделилась красной рамкой.

— Десять лет назад. Дело № 409-Б. Неофициально его называли «Делом нижних затоплений». Три жертвы за два месяца. Все найдены в воде. В подвалах, в заброшенных колодцах, в старых резервуарах. У всех — эта же черная жидкость в легких. И этот же узор на коже. И, что самое главное, — она указала на схему скелета, — идентичная картина множественных вывихов. словно тело пытались сложить в форму, которая ему не предназначена.

У него подкосились ноги. Он схватился за край металлического стола, чувствуя, как холодный металл впивается в ладони.

Десять лет назад. Пролетело в мыслях марка.

Он помнил это дело. Ему было двадцать, он ещё учился на юридическом и подрабатывал архивариусом в том же участке. Он наткнулся на эти папки случайно, и то, что он увидел, перевернуло его мир. Следствие зашло в тупик. Никаких подозреваемых, никаких мотивов, только эта невозможная, иррациональная жестокость и странные, «неправильные» улики, которые начальство предпочло списать на странную серию несчастных случаев или действия неуловимого маньяка-экспериментатора. Дело закрыли за недостатком улик, а папки отправили в самый дальний угол архива.

Но для него это стало точкой невозврата. Именно эта вязкая, непостижимая загадка, этот запах безнаказанности и абсурда заставил его бросить юридический, пойти в полицейскую академию и стать тем, кто он есть. Он посвятил свою жизнь тому, чтобы найти логику в хаосе. Чтобы понять, как такое возможно.

И все эти десять лет он думал, что это дело мертво. Что тот, кто это делал, исчез, умер или переехал.

— *Дело возобновили?* — хрипло спросил он, хотя уже знал ответ.

— *Нет,* — Кира покачала головой. — *Официально это «изолированный инцидент». Но я знаю, что это не так. Паттерн слишком точный. словно кто-то... воспроизвел рецепт.*

Она подошла к нему ближе, понизив голос до шепота, хотя в лаборатории они были одни.

— *Марк, я знаю, о чем ты думаешь. Я знаю, почему ты пошел в полицию. Но послушай меня. Это совпадение. Или копирующий маньяк. Не позволяй своим ночным кошмарам и этому старому делу сплестись в твоей голове в какую-то мистическую чушь. Ты нужен мне трезвым. Ты нужен себе трезвым.*

Он смотрел на экран, на эти ветвящиеся, кораллоподобные узоры под кожей мертвеца. В его голове, словно эхо, раздался треск ломающихся костей из его сна. Черная, маслянистая вода. Запах меди и озона.

— *Это не совпадение, Кира,* — тихо произнес он, и в его голосе прозвучала сталь, которой не было там, на мокром бетоне бассейна. — *Мой мозг не просто так вытащил меня к воде этой ночью. Он что-то почувал.*

Он отвернулся от монитора, направляясь к двери.

— *Я еду на место. И я найду то, что они упустили десять лет назад.*

Глава 3. Пророки Нижнего города

Спуск в Нижний город всегда напоминал погружение в глотку гигантского, медленно умирающего зверя.

Здесь, на несколько уровней ниже основного города, солнце было не гостем, а случайным, нежеланным прохожим. Его лучи, пробиваясь сквозь вечный смог и переплетения ржавых труб, казались болезненно-жёлтыми и слабыми, неспособными согреть или осветить что-либо, кроме пыли. Воздух был густым, почти осязаемым. Он пах застоявшейся водой, кислой плесенью, дешёвым синтетическим табаком и той самой едкой медью, от которой у Марка начинало сводить скулы.

Здания здесь не стояли — они гнили. Бетонные фасады многоэтажек, похожие на гниющие зубы, были изъедены временем и покрыты слоями граффити. Но это были не надписи банд и не политические лозунги. Это были бессвязные, исступленные каракули, нацарапанные

ногтями или кусками кирпича: «ОНИ СМОТРЯТ ИЗ ТРУБ», «ВОДА ПОМНИТ», «НЕ СПИ, ОН УЗНАЕТ ТВОЁ ИМЯ».

Здесь жили те, кого верхний город выплюнул. Тени в капюшонах, сгорбленные фигуры, бормочущие себе под нос невидимым собеседникам. Это было место, где реальность истончалась, уступая место паранойе и безумию. Люди здесь сходили с ума не от наркотиков, а от самой атмосферы этого места — от давящего осознания, что они забыты богом и людьми.

Марк шёл по скользкому от конденсата асфальту, крепко сжимая в кармане удостоверение. Его ботинки чавкали в лужах, и каждый звук в этой мёртвой тишине казался неестественно громким. Он направлялся к комплексу «Орион», стараясь не смотреть по сторонам, но периферийное зрение улавливало движения в тёмных проёмах подъездов.

Тени в узком, зловонном проулке, пропитанном тошнотворным коктейлем из кислой мочи и ржавчины, вдруг сгустились, обретая плоть. Фигура отделилась от стены так бесшумно и внезапно, словно она ждала его там целую вечность, слившись с грязью.

Это был старик, или, по крайней мере, что-то, напоминающее старика. На нём висели слоями грязные, не по размеру большие пальто, а голова была обмотана грязным шарфом, оставляя открытым только лицо. Лицо это было измождённым, с кожей цвета пергамента, но глаза... Глаза были ясными, пронзительными и абсолютно безумными. Они горели лихорадочным, фанатичным огнём.

Старик преградил ему путь, выставив вперёд дрожащую, скрюченную артритом руку.

— *Стой,* — прохрипел он. Голос звучал как трение сухих листьев о бетон. — *Ты идёшь к воде. К той самой воде.*

Марк инстинктивно напрягся, его рука дёрнулась к кобуре, хотя он понимал, что угрозы в этом дряхлом теле нет.

— *Отойди, дед. Я по делу.*

— *По делу?* — Старик внезапно рассмеялся. Это был сухой, лающий смех, от которого по спине Марка пробежал холодок. — *Дела нет! Есть только Голод. Ты думаешь, это случайность, детектив? Ты думаешь, это просто ещё один бомж, который поскользнулся и захлебнулся в подвале?*

Старик шагнул ближе, и Марк почувствовал исходящий от него запах: смесь гнилых овощей, дешёвого вина и... озона. Того самого резкого, электрического запаха, который был в его сне и в отчёте Киры.

— *Это не убийство,* — прошептал старик, наклоняясь так близко, что Марк видел расширенные, чёрные зрачки в мутных глазах. — *Это ключ. Они открыли иллюз. Ты не понимаешь? Смерть этого человека — это не конец. Это начало.*

— *Чего начало?* — невольно спросил Марк, чувствуя, как его рациональный ум начинает давать трещину под напором этого безумия.

— *Хаоса,* — выдохнул старик, и в этом слове прозвучала такая неподдельная, первобытная уверенность, что у Марка сжалось сердце. — *Апокалипсиса. Но не такого, как в ваших глупых книжках. Не с огнём и трубами. Он выплывет из темноты. Он просочится сквозь трещины в бетоне. Старые вещи просыпаются, детектив. И они очень, очень голодны.*

Марк сделал шаг назад, желая лишь одного: обойти этого сумасшедшего и как можно скорее оказаться на месте преступления, где есть хотя бы иллюзия порядка и логики.

— *У тебя большая фантазия, старик,* — бросил он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Но старик не отступил. Он вдруг втянул носом воздух, как гончая, учуявшая след. Его безумные глаза сузились, фокусируясь на лице Марка. Уголки его рта дёрнулись в жуткой, кривой усмешке.

— *А ты...* — прошептал он, и его голос вдруг стал пугающе тихим и вкрадчивым. — *Ты пахнешь ею. Хлорка... и медь. Ты тоже пил эту воду, да, детектив? Ты был там, на дне.* Марк замер. Холодный пот мгновенно проступил у него на затылке.

— *Она теперь внутри тебя,* — прокаркал старик, отступая в тень переулка, словно растворяясь в ней. — *И когда она захочет вернуться домой... она заберёт тебя с собой.*

Фигура исчезла в темноте так же внезапно, как и появилась, оставив после себя лишь эхо шаркающих шагов и всё тот же тошнотворный запах озона.

Марк стоял неподвижно несколько секунд, его сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица. Он глубоко вдохнул сырой воздух Нижнего города, пытаясь вытеснить из головы слова безумца. *Просто совпадение,* убеждал он себя. *Старый псих, который что-то слышал от патрульных и теперь строит из себя пророка.*

Но когда он сделал шаг вперёд, ему показалось, что его собственные лёгкие стали чуть тяжелее. И где-то в глубине его сознания, под слоем рациональных мыслей, что-то древнее и холодное тихо шевельнулось в ответ на запах озона.

Он поправил воротник куртки и зашагал к комплексу «Орион», чувствуя, что входит не просто в место преступления, а в пасть чего-то, что уже начало просыпаться.

Двери комплекса «Орион» открылись с противным, скрежещущим визгом ржавых петель, выпустив наружу волну спёртого, затхлого воздуха. Внутри пахло сырой штукатуркой, дешёвым лимонным освежителем, который лишь отчаянно пытался замаскировать запах вековой плесени, и чем-то ещё... чем-то сладковато-металлическим.

Его встретил управляющий — тучный, неопрятный мужчина в пропотевшей насквозь светло-голубой рубашке. Лицо у него было цвета теста, а лоб покрыт крупной испариной, несмотря на прохладу в коридоре. Увидев удостоверение Марка, он тут же бросился к нему, словно утопающий к гнилой доске, и его слова полились непрерывным, захлёбывающимся потоком.

— *Вы не туда смотрите, детектив, клянусь вам! Этот... этот тип?* — управляющий нервно дёргал себя за воротник, его бегающие глазки избегали прямого контакта. — *Он у нас уже месяц как не числится! Месяц! Я его выгнал, понял? Врал постоянно, опаздывал, воровал мелочёвку из кассы. Наркоман, вот кто он! Глаза стеклянные, руки трясутся, вечно что-то бормочет себе под нос. Я думал, он сдох где-то в подворотне, а он, видите ли, решил в мой бассейн залезть! Только проблем мне наделал, сволочь. У меня тут бизнес, а не морг! Вы уж разберитесь с его друзьями, а меня не трогайте, я тут ни при чём, я его даже не знал толком...*

Но Марк уже не слышал его.

Слова управляющего начали растягиваться, терять смысл, превращаясь в низкий, вибрирующий гул. Тот самый гул, похожий на жужжание гигантского, больного насекомого, который он слышал в своей голове за секунду до того, как чёрная вода сомкнулась над ним.

Пuls ударил в виски — тяжёлый, неровный, как прилив, который не знает, когда отступить. И с каждым ударом ему казалось, что это не его сердце бьётся, а что-то из той самой чёрной воды, которая ждала его на дне, наконец-то нашло дорогу внутрь.

Внезапно галстук, который он так аккуратно завязал утром перед зеркалом, показался ему удавкой. Шёлковая петля врезалась в кадык, сжимая горло с неумолимой, ледяной силой. Марк дёрнул пальцами под воротник, пытаясь ослабить узел, но пальцы не слушались. Они были ледяными, негнушимися, словно принадлежали не ему, а тому вывернутому трупу на стальном столе в морге.

Воздух в помещении вдруг стал густым, вязким. Ему показалось, что он делает судорожный вдох, но в лёгкие поступает не кислород, а та самая чёрная, маслянистая жидкость, пахнущая медью и древней гнилью. Она заполняла его изнутри, тяжёлая и безжалостная.

Стены коридора начали слегка изгибаться. Кафель под ногами, тускло блестящий под мигающей лампой, казался зыбким, готовым в любой момент треснуть и превратиться в бездонную чёрную пучину.

Лицо управляющего перед ним поплыло, растянулось в гротескную, неестественную маску. Рот мужчины открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной на берег, а глаза превратились в две чёрные, бездонные дыры, в которых медленно шевелились невидимые щупальца.

— *Эй! Вы меня вообще слушаете?! Я сказал, он был наркоман!* — донёсся словно из-под толщи воды искажённый, гулкий голос.

Марк резко моргнул. С силой, до побеления костяшек, он сжал кулаки. Ногти глубоко впились в ладони.

Боль. Резкая, земная, отрезвляющая боль.

Гул отступил. Вязкость воздуха рассеялась, оставив после себя лишь тошнотворный, но такой родной и понятный запах дешёвого лимонного освежителя. Галстук снова стал просто куском ткани, хотя горло всё ещё саднило.

Марк медленно выдохнул, стараясь, чтобы его руки не дрожали, и посмотрел на управляющего. Тот теперь выглядел просто испуганным, вспотевшим толстяком, а не вестником апокалипсиса.

— *Я слышу каждое ваше слово,* — тихо, но с железной твёрдостью произнёс Марк, разжимая пальцы и чувствуя, как по ладоням стекает капелька крови. — *И мы обязательно поверим всё, что вы сказали. А теперь ведите меня к бассейну.*

Управляющий сглотнул, нервно кивнул и, бормоча себе под нос оправдания, заковылял вглубь коридора. Марк пошёл за ним, вытирая вспотевшую ладонь о брюки. Он знал, что это был всего лишь приступ паники. Стресс, недосып, старое дело.

Но когда они проходили мимо треснувшего зеркала в холле, Марк на долю секунды увидел в своём отражении не себя, а человека с бледной, почти прозрачной кожей, под которой вдоль вен проступали странные, ветвящиеся узоры, похожие на коралловые рифы.

Он моргнул, и отражение стало обычным. Но холодок, пробежавший по спине, остался.

Марк обошёл периметр бассейна с методичностью человека, который цепляется за рутину, как за спасательный круг. Он светил фонариком в каждый угол, изучал кромку воды, проверял решётки стоков.

И ничего.

Абсолютно ничего примечательного. Никаких странных следов босых ног, ведущих из воды. Никаких выцарапанных на кафеле оккультных символов. Никаких забытых амулетов или странных предметов. Только жёлтая полицейская лента, натянутая как дешёвая, жалкая граница между хрупким человеческим порядком и зияющей бездной, да труп, который уже увезли, оставив после себя лишь мокрое, грязное пятно на бетоне.

Реальность оказалась до боли банальной. И именно эта банальность раздражала его больше всего.

В тишине подвала, нарушаемой лишь редким капаньем конденсата с труб, в его голове снова и снова прокручивалась запись с хриплым, трескучим голосом старика из переулка.

«Это не убийство... Это ключ. Они открыли илюз... Старые вещи просыпаются».

Марк потер переносицу, чувствуя, как под пальцами пульсирует усталая кожа. *Я схожу с ума?* — подумал он, и этот вопрос прозвучал в его сознании пугающе спокойно. *Или этот старый псих просто озвучил то, о чём я боюсь думать сам?*

Рациональная часть его мозга, та, что выучила все уставы и криминалистические протоколы, тут же давала отпор: *Конечно, это бред. Апокалипсис? Конец света? Это сказки для*

детей и наркоманов из Нижнего города. Мир не заканчивается в грязном подвале жилого комплекса. Мир заканчивается в кабинетах политиков или в жерлах вулканов, а не здесь.

Но тут же, из тёмных закоулков его подсознания, выползала другая, предательская мысль. *А что, если хочется?*

Марк остановился, прислонившись лбом к холодному кафелю стены. Он был детективом. Он всю жизнь искал логику, причины и следствия. Но правда жизни, с которой он сталкивался каждый день, была серой, бессмысленной и жестокой. Люди убивали друг друга из-за мелочи, умирали в нищете и забвении, и в этом не было никакого высшего замысла. Только хаос.

И вдруг, в этой липкой, давящей тишине, ему пришла в голову кошунственная, пугающая мысль: *а что, если хаос — это не конец, а часть какого-то грандиозного, непостижимого плана? Что, если эти «старые вещи», о которых бредил старик, действительно существуют?*

Человек — существо, жаждущее смысла. Мы готовы поклоняться любому богу, даже самому кровожадному и чудовищному, лишь бы он объяснил нам, зачем мы здесь. И мысль о том, что где-то там, за гранью понимания, существует некая древняя, всепоглощающая сила, которая вот-вот придёт и наведёт свой, пусть и страшный, но порядок... Эта мысль вдруг показала ему не пугающей, а странно, извращённо утешительной.

Он резко оттолкнулся от стены, словно обжёгся.

— *Хватит*, — прошептал он вслух. Его собственный голос прозвучал глухо и чужеродно в пустом помещении. — *Хватит заниматься самоедством. Ты ищешь убийцу, а не спасение души.*

Он сделал последний, прощальный взгляд на мутную воду бассейна. Она была неподвижной и безразличной. В ней не было ни ответов, ни монстров. Только отражение его собственного, бледного и измотанного лица.

Марк развернулся и направился к выходу. Ему нужно было вернуться в офис. Пройтись пешком. Свежий, пусть и отравленный смогом, воздух Нижнего города должен был прочистить ему мозги лучше любого кофе. Ему нужно было снова стать просто детективом Марком, у которого есть работа, напарница и список улик, а не героем чьего-то безумного пророчества.

Он вышел из комплекса «Орион». Над головой нависали громады верхних уровней города, отрезая небо, превращая улицу в глубокий, сырой каньон. Марк засунул руки в карманы пальто и зашагал прочь от места преступления, стараясь ступать твёрдо и ритмично, чтобы заглушить тихий, настойчивый шёпот в глубине собственного сознания, который всё ещё повторял: *«Они просыпаются».*

Глава 4. Сын корпорации

Подъем наверх был долгим и унижительным, словно сам город не хотел его отпускать.

Марк шел по бесконечным эскалаторам и бетонным пандусам, соединяющим уровни, и с каждым метром воздух менялся. Влажная, гниlostная вонь Нижнего города сменялась сухой, едкой гарью. Это был запах миллионов работающих двигателей, перегретого асфальта и дешевого синтетического топлива. Воздух здесь был не просто грязным, он был плотным, почти осязаемым, оседавшим на языке мелкой металлической пылью и оставлявшим во рту привкус старой монеты.

Город вокруг него был монументальным памятником человеческой апатии. Серые, бетонные левиафаны перекрывали небо. Окна в этих домах были похожи на тысячи слепых, безразличных глаз, которые видели всё, но не замечали ничего. Люди текли по тротуарам, как мутная вода по ржавым трубам: сторбленные фигуры в одинаковых пыльных плащах, с пустыми взглядами, устремленными в асфальт. Никто не смотрел друг другу в глаза. Никто не здоровался. Здесь не жили. Здесь отбывали срок. Существовали.

Смысл жизни в этом муравейнике был стерт до такой степени, что его нельзя было даже вспомнить, как стирают мел с школьной доски, оставляя лишь белесые, грязные разводы. Люди рождались, работали на износ, чтобы оплатить крошечную ячейку в бетоне, и умирали, не

оставив после себя ничего, кроме долга и мусора. И самое страшное было не в этом, а в том, что никто даже не пытался задать вопрос «почему?». Привычка к бессмысленности была здесь крепче любого наркотика.

Марк шел, сжимая челюсти, чувствуя, как эта всеобщая серость пытается просочиться под его кожу, сделать и его таким же безликим винтиком в этом огромной механизме по переработке людей.

На повороте широкой магистрали, он поднял голову.

Впереди, разрезая слой смога, как нож масло, возвышался Верхний город.

Даже отсюда, с его грязных, обшарпанных окраин, он выглядел ослепительно. Там, за невидимой чертой, воздух очищался гигантскими фильтрами. Там солнце не было мифом, а пробивалось сквозь искусно смоделированные атмосферные купола, заливая стерильно чистые улицы золотым светом. Там росли настоящие деревья, а не генетически модифицированные кусты, выживающие на гидропонике. Там люди носили яркие цвета, смеялись и, как верил Марк, действительно жили, а не существовали.

Он смотрел на эти сверкающие шпильки и чувствовал, как в груди закипает знакомая, ядовитая смесь злости и жгучей, унижительной зависти. Он ненавидел Верхний город той чистой, звенящей ненавистью, которую питает загнанный, голодный зверь к сытому, ухоженному хозяину.

«Там все правильно», — думал он, и эта мысль была горькой, как желчь. — «Там есть порядок. Там есть справедливость. Там люди спят по ночам, а не бродят как лунатики, боясь черной воды. Там не убивают в подвалах, оставляя тела вывернутыми наизнанку».

Он идеализировал этот мир, наделяя его несуществующим совершенством, потому что ему жизненно необходимо было верить, что где-то там, наверху, хаос побежден. Что его собственная грязная, изматывающая работа имеет смысл, потому что она защищает тот, идеальный мир от этого, гнилого.

Его участок располагался как раз на самой границе, на стыке миров: формально это был Верхний город, но до его сияющего центра было еще далеко. Здание участка было старым, построенным в переходную эпоху, когда верхние уровни только начинали захватывать пространство у нижних. Оно выглядело как строгий, серый куб с редкими, узкими окнами, за которыми горел неоновый свет.

Марк остановился перед массивными стеклянными дверями, в которых отражался его собственный, помятый и уставший силуэт на фоне сверкающих вдали башен. Он глубоко вдохнул, пытаясь стряхнуть с себя липкую философию Нижнего города и навязчивые слова безумца.

«Просто работа», — напомнил он себе, толкая тяжелую дверь. — «Просто еще одно дело. Просто факты».

Но когда он переступил порог, окутанный прохладой кондиционированного воздуха, он вдруг с ужасом осознал: запах меди и озона, который преследовал его с самого утра, никуда не исчез. Он был здесь. Внутри. И он становился всё сильнее.

Тяжелая стеклянная дверь участка захлопнулась за его спиной с глухим, герметичным щелчком.

Именно в этот момент, под этот сухой, механический звук, в голове Марка что-то переключилось. Словно внутри черепа сработал ржавый, но надежный тумблер.

Еще минуту назад, стоя на улице и глядя на сверкающие шпильки Верхнего города, он цеплялся за иллюзию. Он верил, что там, наверху, существует нерушимый порядок. Что его грязная работа в Нижнем городе — это санитарный кордон, защищающий этот идеальный мир от хаоса.

Но стоило ему переступить порог этого здания, окутанному стерильным, прохладным воздухом, как иллюзия треснула. Он вдруг с пугающей ясностью осознал: Верхний город не

был спасением. Он был просто фасадом. А фасад существует лишь для того, чтобы скрывать гниль несущих стен.

— *Марк. Ко мне. Немедленно.*

Голос майора Хейнса раздался из приоткрытой двери его кабинета. В нем не было привычной хриплой уверенности. Там звучала натужная, плохо скрытая паника.

Марк вошел. Хейнс сидел за массивным столом. На столе, вопреки всем уставам, дымилась пепельница, переполненная окурками. Лицо майора было пепельно-серым, как зола в остывшем камине.

— *Закрой дверь,* — тихо сказал Хейнс, потирая переносицу. — *И приготовься. То, что я тебе сейчас скажу, перевернет всё, что ты думаешь об этом деле.*

Марк сел, чувствуя, как холодный металл стула впивается в спину.

— *Кто он, шеф? Бродяга? Мелкий дилер?*

Хейнс медленно выдвинул из ящика стола тонкую папку и толкнул ее через столешницу к Марку.

— *Открой.*

Марк открыл папку. Внутри лежал распечатанный отчет лаборатории и несколько фотографий с места преступления. Он взглянул на первую фотографию, и его желудок медленно, но верно сжался в ледяной кулак.

Тело на снимке было... неправильным. Конечности вывернуты под неестественными углами, суставы разможены. Но самое страшное было лицо — или то, что от него осталось. Оно было настолько искалечено, обезображено, что опознание по внешности было абсолютно невозможно. Это была бесформенная маска плоти и крови.

— *Лицо не поддается идентификации,* — тихо сказал Хейнс, заметив реакцию Марка. — *Слишком сильные повреждения. Управляющий «Ориона», увидев это, решил, что это его бывший работник-наркоман, которого он выгнал месяц назад. Удобная версия, правда? Бродяга, искупался где не надо, утонул. Проблем нет.*

Хейнс постучал пальцем по отчету лаборатории.

— *Но Кира сделала экспресс-анализ ДНК и подняла стоматологические карты. Зубы уцелели, а ДНК...*

Он сделал паузу, и в его глазах Марк увидел отражение той самой бездны, о которой говорил старик в переулке.

— *Это Адриан Асока. Сын и единственный наследник Виктора Асоки, генерального директора корпорации «Асока Индастриз». Монополиста, который держит в руках все гидрокINETические двигатели этого чертова города.*

В кабинете повисла звенящая, давящая тишина. Только гул кондиционера напоминал о том, что они все еще в реальном мире.

Марк почувствовал, как его рациональный мир сыпется, как карточный домик на ветру.

— *Управляющий соврал. Он увидел тело, испугался проблем и решил, что это его бывший работник.*

— *Или он был проинструктирован так говорить,* — тихо сказал Хейнс. — *Подумай, Марк. Почему сын человека, который владеет половиной этого города, оказывается в заброшенном подвале Нижнего города? Почему его тело так изуродовано, что его невозможно опознать? И почему кто-то так старался скрыть его личность?*

Марк медленно откинулся на спинку стула. Тумблер в его голове щелкнул окончательно, с глухим, необратимым звуком.

Иллюзия рухнула. Верхний город не был светом в конце туннеля. Он был верхушкой айсберга, под которой скрывалось нечто гигантское, темное и голодное.

— *Это не было случайностью,* — прошептал Марк. — *Его лицо... его специально обезобразили. Чтобы мы не узнали, кто это. Чтобы выиграло время.*

— Именно, — кивнул Хейнс. — Кто-то очень хотел скрыть личность жертвы. И теперь вопрос: зачем? И кто знал, что тело найдут именно в этом бассейне?

Марк посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Внутри него больше не было страха перед неизвестностью. Была только холодная, звенящая ярость и осознание того, что он только что перешагнул черту, обратно через которую пути нет.

Марк медленно переваривал информацию, глядя на искаженное лицо на фотографии. В его голове складывался пазл, и картинка получалась чудовищной.

— Шеф, — начал он, и его голос прозвучал хрипло. — Если это Адриан Асока, почему эфир молчит? Почему новостные каналы не срываются в истерику? Почему сюда, в этот захолустный участок, не нагрянула армия их частных охранников в черных костюмах, чтобы вынести отсюда все столы и забрать дело?

Хейнс медленно выдохнул дым, и его глаза сузились в щелочки.

— Потому что, Марк, когда бог умирает, его жрецы сначала замечают кровь, а уже потом объявляют траур. Корпорация «Асока» контролирует медиа-холдинги, алгоритмы новостных лент и, возможно, половину чиновников в мэрии. Эта тишина не случайна. Она искусственная. Она тяжелая. Они покупают время.

Хейнс раздавил окурок в переполненной пепельнице.

— А теперь скажи мне, детектив, каков наш следующий ход?

— Нам нужно допросить отца, — выпалил Марк. — Виктора Асоку. Он должен знать.

Хейнс фыркнул, и в этом звуке было столько цинизма, что им можно было резать стекло.

— Виктор Асока живет в пентхаусе на сотом этаже, в окружении трех уровней биометрической защиты и армии адвокатов, которые сожрут нас живыми, если мы просто чихнем в сторону его здания. Нас к нему не допустят даже с ордером, подписанным самим мэром. Мы для него — пыль на ботинке.

Марк сжал челюсти. Он знал, что шеф прав. Но тупик его бесил.

— Тогда нам нужны его тени, — тихо сказал он, глядя на фото. — Друзья. Компания, с которой он зависал перед тем, как исчезнуть. Богатые сынки не ходят в Нижний город в одиночку. У него должен был быть повод, или люди, которые его туда затащили.

— И где ты предлагаешь их искать? — спросил Хейнс, в его голосе впервые промелькнул проблеск интереса.

— В самом известном заведении Верхнего города. В клубе «Элизиум», — ответил Марк, и название прозвучало на его языке как что-то чужеродное, слишком сладкое и фальшивое. — Там собирается вся золотая молодежь. Там он был своим. Если кто-то и знает, с кем и зачем Адриан поехал в ту ночь, так это они.

Хейнс помолчал, оценивающе глядя на помятый костюм Марка, на его стоптанные ботинки и уставшее лицо.

— Хорошо. Но слушай внимательно. Ты идешь туда не как коп из Нижнего города, который привык выбивать показания в подвалах. Ты идешь туда как скучающий, слегка потерянный богач, который ищет развлечений. Оденься приличнее. Купи приличную рубашку, галстук. Постарайся не выделяться, но и не выглядеть так, будто ты только что вылез из канализации. Швейцары там обучены чувствовать запах бедности за версту.

Марк горько усмехнулся и развел руками.

— Отличная инструкция, шеф. Правда, есть одна маленькая деталь. Где я возьму на это деньги? Мой месячный бюджет на оперативные расходы равен стоимости двух чашек кофе и проездного.

Хейнс вздохнул, достал из ящика стола маленький, потрепанный блокнот и быстро что-то написал на клочке бумаги.

— Иди к Джесси. Скажи ей, что это срочные оперативные расходы по делу, которое может закрыть нам всем рты, если мы его не раскроем. Скажи, что я лично разрешил. Она

ворчит, она ненавидит меня, но она найдет деньги. Только не трать их на выпивку, Марк. Они тебе понадобятся, чтобы купить хотя бы один коктейль в «Элизиуме» и не быть вышвырнутым на улицу.

Марк взял клочок бумаги. Имя «Дженни» и упоминание денег вернули его с небес корпоративных заговоров на грешную, прозаичную землю. Это был абсурд: ему, человеку, который час назад смотрел на вывернутое наизнанку тело и думал о древнем хаосе, теперь нужно идти к сварливой бухгалтерше, чтобы выпросить купюры на поддельную респектабельность.

— *Понял, шеф,* — сказал он, поднимаясь. — *Я найду его друзей. И я заставлю их говорить.*

— *Будь осторожен, Марк,* — бросил Хейнс ему в спину, когда он уже брался за ручку двери. — *В «Элизиуме» улыбаются все. Но помни: чем ярче свет наверху, тем чернее тени, которые они отбрасывают.*

Кабинет Дженни находился в самом конце коридора, в том крыле участка, куда редко заходили даже свои. Пахло здесь старой бумагой, дешевым растворимым кофе и чем-то кислым, похожим на застарелую обиду на весь мир.

Марк остановился перед дверью с табличкой «Бухгалтерия. Вход только по предварительной записи», глубоко вздохнул и постучал.

— *Если вы не из налоговой и не принесли зарплату, значит, вас здесь нет!* — донесся из-за двери резкий, как удар хлыста, голос.

— *Это Марк, Джен. Я от Хейнса.*

— *Хейнс?* — пауза. — *Он что, наконец-то решил уволиться и послал тебя за своим выходным пособием?*

Дверь приоткрылась. Дженни посмотрела на него с нескрываемым скепсисом.

— *Шучу. Хотя нет, не шучу. Если он правда решил уволиться — скажи ему, чтобы забрал меня с собой.*

Дженни сидела за заваленным папками столом. Ей было за пятьдесят, но выглядела она так, будто жизнь жевала ее и выплевывала последние лет двадцать. Коротко стриженные седые волосы, очки в толстой оправе, через которые она смотрела на мир с нескрываемым презрением. Но на столе, рядом с калькулятором и стопками отчетов, стоял планшет. И на его экране, как заметил Марк, крутилось какое-то глянцевое видео с вечеринки в Верхнем городе.

— *Хейнс сказал, ты выделишь мне оперативные расходы,* — начал Марк, стараясь звучать уверенно.

Дженни медленно подняла на него взгляд, и в ее глазах мелькнуло что-то вроде жалости, смешанной с раздражением.

— *Операционные расходы? На что? На бензин для твоей развалюхи? На кофе, чтобы не уснуть во время бумажной работы?*

— *Мне нужно попасть в «Элизиум»,* — выпалил Марк, опускаясь на стул напротив. — *Дело Асоки. Мне нужно поговорить с его друзьями. Но чтобы попасть туда, мне нужно... выглядеть как свой. А для этого нужна приличная одежда, и, возможно, придется что-то купить. Выпить. Чтобы не выделяться.*

Дженни помолчала, постукивая карандашом по столу. Затем ее взгляд упал на планшет, где на экране смеялась компания молодых людей в дорогих нарядах, поднимая бокалы с чем-то янтарным.

— *«Элизиум»,* — повторила она, и в ее голосе прозвучала странная, почти ностальгическая нотка. — *Знаешь, Марк, я каждый вечер, после того как закрываю квартальные отчеты, захожу в их мир.*

Она повернула планшет к нему. На экране была лента социальной сети, где элита Верхнего города выставляла напоказ свою жизнь: спорткары, частные вертолеты, закрытые вечеринки, бриллианты размером с куриное яйцо.

— *Я знаю, как они говорят. Как они смеются. Как они держат бокал. Я знаю, какие марки они носят и какие коктейли заказывают, чтобы казаться «простыми парнями». Я знаю все их секреты, Марк. Потому что они выкладывают их сами. Каждую ночь. Для таких, как я. Для тех, кто наблюдает из темноты.*

Она откинулась на спинку стула, и в ее глазах мелькнул огонек, которого Марк раньше не замечал. Не злость. Не усталость. Азарт.

— *Ты думаешь, я просто старая карга, которая считает чужие копейки?* — усмехнулась она. — *Ну... я просто смотрю, что они выкладывают. Каждый вечер, после отчётов. Как все нормальные люди смотрят сериалы. А я — их ленту.* — Она махнула рукой, словно отмахиваясь от чего-то неловкого. — *Привычка, что поделаешь. Зато теперь я знаю, какие коктейли они пьют, чтобы казаться «простыми парнями». И в каких отелях останавливаются, когда хотят, чтобы никто не увидел.*

Марк почувствовал, как в его голове что-то щелкает. Он смотрел на Дженни и видел ее по-новому. Не как препятствие, а как... союзника.

— *Джен,* — тихо сказал он. — *Научи меня. Пожалуйста. Как мне быть одним из них? Хотя бы на один вечер?*

Она изучающе посмотрела на него, затем кивнула, и в ее движении была неожиданная решимость.

— *Хорошо. Но сначала деньги.*

Она открыла ящик стола, достала пачку купюр и с явным недовольством отсчитала несколько штук.

— *Здесь достаточно на рубашку, галстук и пару коктейлей. Но учти: если ты спустишь это на ерунду, я лично вычту из твоей зарплаты.*

Она отодвинула деньги, но не отпустила их сразу, глядя на Марка поверх очков.

— *А теперь встань.*

— *Что?*

— *Встань,* — повторила она, поднимаясь из-за стола. — *Мы будем репетировать.*

Марк неловко поднялся. Дженни обошла стол и встала перед ним. И вдруг она изменилась. Исчезла уставшая бухгалтерша. Вместо нее перед ним стояла... нет, не женщина из высшего общества. Скорее, хищница, которая изучила повадки своей жертвы до мелочей.

— *Покажи мне, как ты обычноходишь в комнату,* — скомандовала она.

Марк сделал несколько шагов, сутулясь, как всегда, с руками в карманах.

— *Стоп!* — Дженни поморщилась, словно увидела что-то отвратительное. — *Ты выглядишь как человек, который извиняется за то, что дышит одним воздухом с другими. Забудь об этом.*

Она ткнула его пальцем в грудь.

— *В «Элизиуме» никто ни перед кем не извиняется. Они не просят разрешения существовать. Они требуют внимания, просто входя в помещение. Плечи назад. Подбородок чуть выше. Не смотри под ноги. Смотри вперед, но не в упор. Скользи взглядом, словно ты оцениваешь, достойно ли это место твоего присутствия.*

Марк попытался выпрямиться, почувствовав себя идиотом.

— *Лучше,* — кивнула Дженни, хотя вид у него все еще был жалкий. — *Теперь руки. Вынь их из карманов. Ты не прячешься. Ты... экспонируешь себя.*

Она сделала паузу, подбирая слова.

— *Когда будешь говорить с ними, не спорь. Не доказывай. Они не уважают тех, кто слишком старается. Если они говорят что-то глупое, просто улыбнись. Слегка. Снисходительно. Словно ты знаешь что-то, чего не знают они.*

— *А если они спросят, чем я занимаюсь?* — спросил Марк, чувствуя, как потеют ладони.

— *Скажи: «Инвестиции». Или «Консалтинг». Что-то расплывчатое, скучное и важное одновременно. Никто не будет спрашивать деталей. В их мире все занимаются чем-то важным и непонятным.*

Дженни сделала шаг назад, скрестила руки на груди.

— *А теперь давай попробуем. Представь, что я — сын какого-нибудь нефтяного магната. Я стою у бара, держу бокал. Подойди ко мне и начни разговор.*

Марк глубоко вдохнул, выдохнул и сделал шаг вперед. Он попытался выпрямиться, расслабить лицо, изобразить легкую, скучающую уверенность.

— *Привет,* — начал он, и Голос сорвался на скрип. Он откашлялся. — *Привет. Я тебя раньше здесь не видел.*

— *Ужасно,* — поморщилась Дженни. — *Ты звучишь как полицейский, который делает вид, что он не полицейский. Забудь про допросы. Не задавай вопросов сразу. Начни с утверждения. С наблюдения. Попробуй еще раз.*

Марк закрыл глаза на секунду, пытаясь сбросить с себя шкуру детектива. Он представил себя кем-то другим. Кем-то, у кого нет проблем с деньгами. Кем-то, кому все разрешено.

Он открыл глаза, сделал шаг вперед, слегка наклонив голову набок. На его губах появилась легкая, почти незаметная усмешка.

— *Скучный вечер,* — произнес он, и на этот раз его голос звучал иначе. Спокойнее. Ленивее. — *Хотя бармен смешивает неплохой «Негрони». Но музыка... музыка ужасна.*

Дженни замерла. А затем, медленно, на ее лице появилась улыбка. Настоящая. Не злая, не саркастичная. Гордая.

— *Вот так,* — тихо сказала она. — *Вот так они говорят. Не спрашивают. Утверждают. Критикуют. Словно мир существует для их развлечения.*

Она подошла к столу, взяла деньги и вложила их ему в руку, закрывая его пальцы сверху своими.

— *Возьми. И не подведи меня, Марк. Покажи им, что мы из Нижнего города тоже умеем играть в их игры. Только мы играем по-настоящему. А они... они просто позируют.*

Марк сжал деньги в руке, чувствуя, как бумага врезается в ладонь.

— *Спасибо, Джен.*

— *Не благодари,* — фыркнула она, уже поворачиваясь к своему планшету. — *Просто найди убийцу. И если увидишь там кого-то из тех, на кого я подписана... — она кивнула на экран, где смеялась очередная компания золотой молодежи, — ...скажи им, что их подписчики из реального мира ждут большего, чем просто красивые фото.*

Марк вышел из кабинета, и деньги в его кармане казались тяжелее, чем обычно. Но теперь у него было не просто задание. У него была миссия. И союзник, о котором никто не подозревал.

Глава 5. По ту сторону плазмы

Дверь лаборатории криминалистики открылась с тихим, герметичным шипением. Кира стояла у микроскопа, склонившись над образцом, и даже не подняла головы, когда Марк вошел.

— *Если ты принес мне еще один кофе, я тебя убью,* — бросила она, не отрываясь от окуляра. — *У меня уже руки дрожат.*

Марк остановился в дверях. Он глубоко вдохнул, расправил плечи — как учила Дженни — подобрал подбородок и сделал шаг внутрь, стараясь двигаться плавно, лениво, словно он не в грязной лаборатории, а в дорогом бутике.

— *Скучный день в морге?* — произнес он, и его голос прозвучал на удивление ровно. Спокойно. С легкой, скучающей ноткой. — *Я слышал, здесь подают отличный эспрессо. Но, боюсь, я предпочитаю что-то покрепче.*

Кира медленно выпрямилась. Она повернулась к нему, и в её глазах читалось сначала раздражение, затем недоумение, а потом — что-то похожее на тревогу.

— *Ты в порядке?* — спросила она, и её голос потерял привычную колкость. — *Ты выглядишь... иначе.*

— *Я в полном порядке,* — Марк сделал еще шаг, стараясь не сутулиться. — *Просто решил, что пора сменить имидж. Знаешь, как говорят: если ты не можешь победить систему, присоединись к ней. Или, хотя бы, притворись, что ты её часть.*

Кира медленно обошла стол, скрестив руки на груди. Она изучала его с тем же критическим взглядом, с которым разглядывала улики под микроскопом.

— *Ты идешь в «Элизиум»,* — констатировала она, и в её голосе не было вопроса.

— *Хейнс сказал, что мне нужно поговорить с друзьями Адриана. А чтобы попасть туда, мне нужно...* — он сделал жест рукой, изображая неопределенность, — *вписаться.*

Кира фыркнула, и напряжение немного спало.

— *Вписаться? Марк, ты выглядишь как полицейский, который пытается косплеить миллиардера. Твоя осанка кричит: «Я выбивал показания в подвалах». Твои руки выдают тебя — они слишком напряжены. И этот взгляд... ты смотришь на меня так, будто ждешь, когда я начну врать.*

Марк опустил плечи, и маска «богача» рассыпалась, как иллюзия, которую коснулась правда.

— *Дженни сказала то же самое.*

— *Дженни?* — Кира подняла бровь. — *Та сварливая бухгалтерша, которая ненавидит весь мир?*

— *Она знает о Верхнем городе больше, чем мы думаем,* — тихо сказал Марк. — *Она научила меня, как держаться. Но мне нужна твоя помощь. Мне нужна одежда. Приличная. И... мне нужно, чтобы ты посмотрела на меня и сказала, что я не выгляжу как идиот.*

Кира помолчала, затем кивнула.

— *Хорошо. Но сначала расскажи мне, что случилось. Хейнс вызывал тебя не просто так.*

Марк рассказал ей всё. Про обезображенное лицо. Про Адриана Асоку. Про ложь управляющего. Про тишину в новостях. Кира слушала, не перебивая, и её лицо постепенно каменило.

— *Значит, это заговор,* — сказала она, когда он закончил. — *Кто-то очень высоко хочет скрыть, что сын Асоки умер в грязном подвале.*

— *Или кто-то очень низко,* — парировал Марк. — *Может, это не заговор. Может, это просто... несчастный случай. Наркотики, алкоголь, плохая компания. Они испугались, что их репутация пострадает, и решили замести следы.*

Кира покачала головой.

— *Ты сам не веришь в это. Тело было вывернуто наизнанку, Марк. Суставы разможены. Лицо обезображено так, что его нельзя опознать. Это не похоже на попытку скрыть несчастный случай. Это похоже на... ритуал.*

В лаборатории повисла тяжелая тишина. Только гул центрифуги нарушал её.

— *Ты думаешь, старик был прав?* — тихо спросил Марк. — *Про древних богов? Про черную воду?*

— *Я думаю,* — медленно произнесла Кира, — *что есть вещи, которые наука не может объяснить. И есть вещи, которые наука не хочет объяснять.*

Она подошла к монитору и нажала несколько клавиш. На экране появились новые данные.

— *Смотри. Я нашла в этой черной жидкости следы синтетических полимеров. Очень сложных, многослойных структур. Они не встречаются в природе. Их создают.*

Марк нахмурился.

— *Создают? Кто?*

— *Я не знаю,* — Кира посмотрела на него, и в её глазах был страх. — *Но эти полимеры... они похожи на те, что использует корпорация «Асока» в своих гидрокинетических двигателях. Только в тысячу раз сложнее.*

Марк почувствовал, как холод прокатился по его спине.

— *Ты думаешь, эта вода... связана с технологиями Асоки?*

— *Я думаю,* — тихо сказала Кира, — *что твой старик из переулка был не совсем сумасшедшим. Может, не боги. Но что-то древнее. Что-то, что они разбудили. Или создали.*

Она подошла к нему ближе и положила руку на его плечо.

— *Марк, будь осторожен. Если ты пойдешь в «Элизиум» и начнешь задавать вопросы... ты станешь мишенью. Они не остановятся перед тем, чтобы убрать тебя, как убрали его.*

— *Я знаю,* — Марк сжал кулаки. — *Но у меня нет выбора. Если это связано с Асокой... если они создали что-то, что вырвалось из-под контроля... я должен найти тех, с кем он был в ту ночь. Я должен узнать, что они делали.*

Кира кивнула, и в её движении была решимость.

— *Хорошо. Тогда давай займемся твоим имиджем.*

Она достала из шкафа свою сумку и начала рыться в ней.

— *У моего брата есть костюм. Он работает в юридической фирме в Верхнем городе. Он его почти не носит. Я возьму его без спроса. Рубашку, галстук... у меня есть знакомый портной, который сделает подгонку за час.*

Марк смотрел на неё, чувствуя, как в груди растёт что-то теплое. Благодарность? Облегчение? Он не знал.

— *Кира... спасибо.* — Он помедлил, затем полез в карман и достал смятую пачку купюр. — *И ещё... Дженни дала мне деньги. На костюм, на всё остальное. Сказала, что это оперативные расходы.*

Он посмотрел на деньги в своей руке, словно впервые их увидел.

— *И что мне с ними делать?*

Кира усмехнулась, и в её улыбке мелькнула та самая искра, которую он так любил. Не злая, не саркастичная. Настоящая.

— *Ты же детектив, Марк,* — тихо сказала она, забирая у него деньги и ловко пересчитывая их одним движением, словно это были улики. — *Найди им применение получше.*

Она сунула купюры обратно ему в руку и закрыла его пальцы сверху своими.

И снова — щелчок.

На этот раз он был отчётливее. Как электрический разряд, крошечная молния, которая прошла от её кожи к его коже, от её пальцев к его пальцам, и где-то внутри, под грудиной, отозвалась тёплой, странной болью. Не физической — скорее, как воспоминание о боли. Как эхо удара, который произошёл давно, но тело всё ещё помнит.

Марк поднял на неё взгляд. Кира смотрела на него — прямо, без насмешки, без колкости. И в её зелёных глазах на долю секунды мелькнуло что-то. Удивление? Испуг? Как будто она тоже это почувствовала.

Но она тут же отвела взгляд, усмехнулась и отпустила его руку.

— *Просто не облажайся,* — бросила она, уже поворачиваясь к микроскопу.

Марк сжал деньги в кулаке. Купюры были тёплыми. Не от её ладони — они были тёплыми сами по себе, как будто впитали что-то от её кожи.

Чёрт, — подумал он. Я точно схожу с ума.

— И не вздумай экономить. В «Элизиуме» скупость пахнет хуже, чем бедность. Просто не облажайся. И если ты увидишь там кого-то из тех, кто был с Адрианом... спроси их, не пили ли они черную воду.

Марк усмехнулся, но улыбка тут же сошла с его лица.

— А если они скажут «да»?

Кира посмотрела на него, и в её глазах был тот же холод, что и в черной воде бассейна.

— Тогда беги, Марк. Беги и не оглядывайся.

Портняжная мастерская Альберто находилась в одном из переулков Нижнего города, которые старательно имитировали старый европейский шарм, но пахли скорее дешевым парфюмом и отчаянием, чем историей.

Марк шел по улице, и каждый его шаг был попыткой не споткнуться о собственную нелепость. В голове крутились слова Дженни: *«Плечи назад. Скользи взглядом. Не извиняйся за то, что дышишь».*

Он расправил плечи — и тут же почувствовал себя идиотом, словно на него надели невидимый корсет. Расслабил их — и снова ощутил привычную сутулость копа, который привык вжимать голову в плечи, ожидая удара.

«Скользи взглядом», — повторил он про себя и попытался посмотреть на прохожих так, будто оценивал, достойны ли они его внимания. Но его взгляд предательски метался от лица к лицу, цепляясь за детали: дорогая сумка, идеальная укладка, часы, которые стоили больше, чем его годовая зарплата.

Каждый встречный бросал на него быстрый, оценивающий взгляд — и отводил глаза. Марк чувствовал эти взгляды кожей. Они были как легкие уколы булавками. Он не свой, говорили эти взгляды. Он чужой здесь. Он пахнет Нижним городом.

Он поймал себя на том, что сжимает кулаки в карманах — привычка, выработанная годами работы в опасных районах. *Расслабь руки, одернул он себя. Богачи не сжимают кулаки. Они держат бокалы.*

Он представил, как входит в «Элизиум». Как идет к бару, не оглядываясь. Как заказывает коктейль, даже не глядя на меню. Как кто-то из друзей Адриана оборачивается, и Марк...

Стоп. Он даже не знал их имен. Он не знал, как они говорят, о чем шутят, какие у них привычки. Он был полицейским, который всю жизнь задавал вопросы и слушал ответы. А богачи... богачи никогда не слушают. Они только говорят.

Мастерская Альберто оказалась маленькой, но безупречно чистой. В воздухе пахло дорогим сукном, паром от утюга и чем-то сладковатым, похожим на лак для дерева. За прилавком стоял мужчина лет шестидесяти, с безупречно седыми волосами, зачесанными назад, и глазами, которые, казалось, видели человека насквозь. На нем был безупречный жилет, а на шее болталась сантиметровая лента, как шарф.

Кира уже была там, стоя у примерочной с вешалкой, на которой висел темно-синий костюм. Она обернулась, когда вошел Марк, и на её губах играла легкая, насмешливая улыбка.

— Альберто, это Марк, — сказала она. — Ему нужно... преобразиться.

Альберто медленно обошел прилавок, его глаза скользили по Марку с профессиональной беспощадностью. Он оценивал не одежду — та была жалкой — а осанку, походку, то, как Марк держал руки.

— Преобразиться, — повторил портной, и в его голосе прозвучала легкая, доброжелательная ирония. — И куда же мы отправляемся, молодой человек? Верхний город решили покорять? Или, может быть, на свидание с дочерью мэра?

Марк почувствовал, как внутри закипает знакомое раздражение. Но он вспомнил слова Дженни: *«Не спорь. Не доказывай. Улыбнись. Снисходительно».*

Он расслабил лицо, изобразил легкую, скучающую усмешку и ответил тоном, в котором было столько притворной усталости, что это было почти смешно:

— *Альберто, я родился в «Элизиуме». Просто решил, что пора сменить гардероб. Мой старый... ну, скажем так, он перестал соответствовать моему настроению.*

Альберто замер. Затем его плечи затряслись, и он разразился хохотом — громким, искренним, от которого задрожали стекла в витрине.

— *О, боже мой!* — выдохнул он, вытирая выступившие слезы. — *Ты родился в «Элизиуме»! Кира, ты слышала? Он родился в «Элизиуме»!*

Кира фыркнула, отвернувшись, чтобы скрыть улыбку.

— *Хорошо, хорошо,* — Альберто хлопнул Марка по плечу с неожиданной силой. — *Раз ты родился в «Элизиуме», значит, ты знаешь, что там не носят...* — он ткнул пальцем в рукав куртки Марка, — *...это. Это не куртка. Это мешок для картошки, который притворяется курткой.*

Он схватил вешалку с костюмом и сунул её Марку в руки.

— *Примерочная там. Раздевайся до трусов и надевай это. И, ради всего святого, не дыши слишком глубоко, пока я не подгоню брюки.*

Марк вошел в примерочную, чувствуя, как на его лице играет невольная улыбка. Комедия положений. Он, коп из Нижнего города, притворяется богачом перед портным, который видит его насквозь, но играет в эту игру.

Когда он вышел, Альберто уже стоял с булавками в зубах и сантиметровой лентой на шее. Он осмотрел Марка с головы до ног, щелкнул языком и начал колдовать.

— *Плечи чуть уже,* — бормотал портной, прикалывая ткань. — *Талию уберем. Брюки сделаем уже, но не слишком — ты же не модель с подиума.*

Он работал быстро, его руки двигались с уверенностью хирурга. Марк стоял неподвижно, глядя в зеркало и видя там незнакомца. Человек в зеркале был выше, стройнее, увереннее. Он выглядел так, будто никогда не выбивал показания в подвалах.

— *Знаешь, что самое смешное?* — вдруг сказал Альберто, не отрываясь от работы. — *Костюм может сделать тебя похожим на богача. Но он не может научить тебя быть им.*

Марк встретил его взгляд в зеркале.

— *А что может?*

Альберто усмехнулся и воткнул последнюю булавку.

— *Уверенность, что ты имеешь право быть здесь. Что мир существует для тебя, а не ты для него.*

Он сделал пару шагов назад, оценивающе глядя на свою работу.

— *Вот так. Через час всё будет готово. Заходи за рубашкой и галстуком — я подберу что-то, что не будет кричать «я купил это вчера».*

Он помолчал, затем добавил тише:

— *Только не забудь, что настоящие богачи никогда не забывают, откуда они пришли. Даже если это место — Нижний город.*

Марк посмотрел на себя в зеркало. Незнакомец смотрел на него в ответ. И в его глазах была не только уверенность, но и что-то еще. Что-то темное. Что-то, что знало слишком много.

Через час Марк вышел из мастерской Альберто. На нем был безупречный темно-синий костюм, белоснежная рубашка, галстук цвета бордо. Он чувствовал себя так, словно на него надели доспехи из шелка и шерсти.

Он достал телефон и вызвал такси. Не обычное, с обшарпанным салоном и запахом дешевого освежителя, а премиум-класс. Самое дорогое, которое только мог предложить сервис. Когда чёрная, до зеркального блеска отполированная машина, в которой плыли отражения неоновых вывесок, подъехала к тротуару, Марк на секунду замер. *Это просто инструмент, напомнил он себе. Просто часть костюма.*

Он сел на кожаное сиденье, и дверь закрылась с мягким, герметичным щелчком. Внутри пахло новой кожей и чем-то едва уловимым, похожим на сандал.

— В «Элизиум», — сказал он водителю, стараясь, чтобы голос звучал лениво, буднично. Водитель, мужчина в белой рубашке и черных перчатках, кивнул в зеркале заднего вида. — *Конечно, сэр.*

Машина тронулась, и Марк прижался лбом к холодному стеклу, наблюдая, как город начинает меняться.

Сначала это было почти незаметно. Серые бетонные коробки Нижнего города постепенно уступали место более аккуратным, покрашенным зданиям. Мусор на улицах становился реже. Люди шли ровнее, одеты лучше. Но воздух... воздух всё ещё был тяжелым, пропитанным гарью и пылью.

Затем они начали подниматься. Широкие пандусы и эскалаторы вели их всё выше, и с каждым уровнем город становился чище. Серый цвет сменялся бежевым, затем белым. Окна в домах были не разбитыми, а сверкающими. Деревья... настоящие деревья! Не генетически модифицированные кусты, а высокие, с густой кроной, росли вдоль тротуаров.

А потом они достигли границы.

Марк увидел его издали. Стена. Нет, не стена. Нечто гораздо более неестественное. Это был барьер, сотканный из плазмы, мерцающий мягким, голубоватым светом. Он поднимался от земли и уходил ввысь, и растворялся в облаках, образуя невидимый купол над всем Верхним городом. По его поверхности периодически пробегали волны, словно невидимая рука гладила гигантскую, светящуюся медузу.

Машина подъехала к контрольно-пропускному пункту. Это была не будка с охранником, а арка, усыпанная датчиками и сканерами. Марк почувствовал, как внутри закипает знакомое раздражение. *Стена, думал он. Они построили стену, чтобы отделить нас. Чтобы мы не видели, как они живут.*

Водитель что-то сказал в интерком, и Марк достал из кармана жетон. Маленький, тяжелый, из какого-то темного металла, с выгравированным символом — стилизованной буквой «Э». Дженни дала его ему вместе с деньгами, сказав: *«Это пропуск. Покажи его на въезде, и тебя пропустят. Не спрашивай, откуда он у меня.»*

Марк протянул жетон водителю, тот приложил его к сканеру. Раздался тихий, мелодичный звон, и плазменная стена перед ними разошлась, образуя арку, достаточно широкую для машины.

Они въехали.

И Марк замер.

Воздух. Боже, воздух. Он был... чистым. Не просто менее грязным, а действительно чистым. Он пах цветами, свежескошенной травой, чем-то сладким и нежным. Марк глубоко вдохнул, и его голова почти закружилась от непривычки — воздух был таким чистым, что лёгкие, привыкшие к смогу и гари, словно забыли, как дышать правильно.

Улицы здесь блестели. Не от грязи, как в Нижнем городе, а от чистоты. Тротуары были вымощены каким-то светлым камнем, который, казалось, светился изнутри. Вдоль улиц росли деревья с густой, зеленой листвой. Везде, везде были цветы. Розы, тюльпаны, какие-то экзотические орхидеи, которые Марк видел только на картинках. Они росли в клумбах, в кашпо, свисали с балконов.

Люди здесь... они были другими. Они не спешили, не сторбливались, не прятали руки в карманы. Они гуляли. Смеялись. Носили шикарные, дорогие костюмы. Дети бегали по зеленым лужайкам, и их смех звучал так неестественно в этом мире, что Марку захотелось плакать.

Почему? — подумал он, и в его голове закипела знакомая, ядовитая ярость. Почему они могут дышать чистым воздухом, а мы — нет? Почему у них есть цветы, а у нас — только плесень? Почему они гуляют, а мы выживаем?

Машина подъехала к «Элизиуму».

Это было не просто здание. Это был дворец. Огромное, сверкающее сооружение из стекла и металла, с колоннами, уходящими в небо, и террасами, увитыми плющом. Перед входом, выстроившись в ряд, как игрушечные машинки, стояли автомобили. Марк никогда не видел столько дорогих машин в одном месте. Черные, белые, серебристые, с плавными, хищными линиями и логотипами, которые стоили больше, чем его квартира.

Он вышел из такси, и ноги его чуть не подкосились. Не от страха. От тошноты.

Его тошнило от этого места. От этой стерильной, фальшивой красоты. От того, что где-то там, за плазменной стеной, люди задыхались в смоге и умирали от болезней, которые в Верхнем городе давно забыли. От того, что он, Марк, коп из Нижнего города, стоял здесь в костюме, который стоил больше, чем годовая зарплата его соседа, и притворялся одним из них.

Но его тошнило еще и от другого. От того, что, несмотря на всю эту несправедливость, несмотря на всю эту фальшь... ему хотелось остаться. Ему хотелось дышать этим воздухом. Носить эту одежду. Жить так, как живут они.

И эта мысль пугала его больше, чем любой монстр из черной воды.

Он расправил плечи, изобразил на лице легкую, скучающую усмешку и направился к входу в «Элизиум». Швейцары в ливреях распахнули перед ним двери, и он шагнул внутрь, в мир, который одновременно ненавидел и которому завидовал.

Глава 6. Маски «Элизиума»

Фойе «Элизиума» было похоже на собор, посвященный богу роскоши. Высокие потолки терялись в сумраке, освещенные мягким, золотистым светом хрустальных люстр, которые, казалось, парили в воздухе без всякой поддержки. Пол был выложен мрамором настолько белым, что Марку стало не по себе — он боялся оставить на нём следы своих стоптанных ботинок, которые теперь были спрятаны в дорожную обувь.

Воздух здесь пах не цветами, а чем-то более сложным: дорогим парфюмом, шампанским, кожей и той невидимой, но осязаемой аурой власти, которая пропитывала всё вокруг.

Марк сделал несколько шагов внутрь, стараясь двигаться плавно, лениво, как учила Дженни. Его взгляд скользил по залу, оценивая публику. Молодые люди в безупречных костюмах, девушки в платьях, которые стоили больше, чем его квартира. Все они смеялись, пили, говорили, и ни один из них не смотрел на него.

Я прошёл, — подумал он с облегчением. — Я свой.

И тут он увидел её.

Девушка стояла у стойки регистрации, пытаясь достать что-то из своей сумочки. Это была маленькая, чёрная, украшенная стразами сумка, которая выглядела так, будто была создана для того, чтобы в ней не помещалось ничего нужного. И вот сейчас её содержимое высыпалось на мраморный пол с тихим, жалобным звоном: помада, ключи, какие-то документы, зажигалка, телефон.

Марк не раздумывая остановился и присел на корточки, начиная собирать рассыпавшиеся вещи.

— Позвольте мне помочь, — сказал он, и его голос прозвучал ровно, вежливо.

Девушка обернулась. Она была молода, лет двадцати пяти, с короткими, тёмными волосами и глазами, которые, казалось, видели всё насквозь. На ней было платье цвета морской волны, простое, но безупречное.

Марк подал ей помаду, и их пальцы на секунду соприкоснулись. Её кожа была холодной. Она взяла помаду, но не убрала руку. Вместо этого медленно выпрямилась, скрестила руки на груди и посмотрела на него сверху вниз.

— *Знаешь*, — тихо сказала она, и в её голосе прозвучала не благодарность, а что-то похожее на усталое любопытство. — *Интересный ход*.

Марк замер.

— *Простите?*

— *Помочь девушке с рассыпавшейся сумочкой*, — она усмехнулась, но улыбка не коснулась её глаз. — *В «Элизиуме» так не делают. Если бы ты был из Верхнего города, ты бы прошёл мимо. Ты бы даже не заметил, что я уронила сумку. Или заметил бы, но подумал: «Пусть кто-нибудь другой этим займётся».*

Марк почувствовал, как внутри закипает напряжение. *Не поддавайся*, — сказал он себе. *Держи маску. Дженни учила: не спорь, не доказывай.*

Он изобразил лёгкую, скучающую усмешку — ту самую, которую репетировал перед зеркалом.

— *Может быть, я просто воспитан иначе*, — сказал он, и его голос прозвучал лениво. — *Консалтинг, инвестиции... я из семьи, где считают, что вежливость — это тоже капитал.*

Девушка наклонила голову, изучая его. Её взгляд был цепким, как у криминалиста — Марк узнал это чувство. Она смотрела не на его костюм. Она смотрела на него самого.

— *Интересно*, — протянула она. — *Потому что я вижу другое.*

Она сделала шаг ближе, и её голос стал тише.

— *Твоя осанка. Ты держишь плечи ровно, но это неестественно. Ты как будто вспоминаешь, как это — не сутулиться. И руки... — она кивнула на его ладони. — Ты сжал кулаки, когда присел. Привычка. В Верхнем городе так не делают. Там руки держат бокалы. А у тебя... у тебя руки человека, который привык либо к дубинке, либо к наручникам.*

Марк почувствовал, позвоночник стал ледяным. *Она видит меня насквозь.*

— *Вы ошибаетесь*, — сказал он, но в его голосе уже не было лени. — *Я просто...*

— *Нижний город*, — перебила она, словно дегустировала это слово. — *Я вижу это сразу. Не по одежде — костюм хороший, портной Альберто, судя по посадке плеч. Не по манерам — ты их выучил, и неплохо. Я вижу это по тому, как ты смотришь.*

Она подняла на него взгляд, и в её глазах был холод, от которого Марку стало не по себе.

— *Ты сканируешь зал. Ищешь выходы. Оцениваешь каждого, кто проходит мимо — на предмет угрозы. В Верхнем городе так не делают. Здесь смотрят на украшения, на платья, на бокалы. А ты... ты смотришь, как полицейский.*

Марк молчал. Маска богача треснула, как лёд на весенней реке. Он прокололся. Не успев войти, он провалился. И самое страшное — она была права. Каждое слово.

Девушка вздохнула, и в её вздохе было что-то похожее на усталость.

— *Ладно*, — сказала она. — *Кто ты? Наркоман, который украл чей-то костюм? Курьер, который доставляет что-то для кого-то из гостей? Или, может быть, ты просто заблудился, когда шёл в канализацию?*

Марк сжал кулаки — и тут же заставил себя расслабить пальцы. *Бесполезно. Она уже всё видит.*

Он глубоко вдохнул. И принял решение.

— *Я детектив*, — сказал он, и его голос прозвучал тихо, но твёрдо. — *Я расследую убийство. Адриана Асоки.*

Девушка замерла. Её глаза расширились, но не от страха. От удивления.

— *Адриан...* — прошептала она. — *Ты... ты правда детектив?*

— Да, — Марк встретил её взгляд. — *И мне нужно поговорить с людьми, которые были с ним в ту ночь. С его друзьями. Ты знаешь, кого-то из них?*

Девушка молчала несколько секунд. Она смотрела на него — оценивала. Решала, стоит ли доверять. Марк видел эту борьбу в её глазах и понимал: если он сейчас ошибётся, если она крикнет охрану — всё кончено.

— *Меня зовут Лира, — сказала она наконец. — Лира Вэнс. Я... я была знакома с Адрианом. Не близко, но мы пересекались. Я работаю здесь, в «Элизиуме». Официально я менеджер по связям с клиентами, но на самом деле...*

Она поморщилась.

— *На самом деле я слежу за тем, чтобы всё выглядело идеально. Чтобы никто не узнал, что за фасадом. Чтобы всё было... гладко.*

Она посмотрела на него, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на жалость.

— *Ты ищешь его друзей, — сказала она. — Джаред Коул и Селена Марш. Они сейчас там, у бара. Джаред в сером костюме, Селена в красном платье. Они... Я видела, как они уходили вместе последний раз, когда я видела Адриана ещё живым.*

Марк почувствовал, как внутри закипает надежда.

— *Спасибо, — сказал он. — Лира, спасибо.*

Она усмехнулась, но на этот раз улыбка была настоящей. Грустной, но настоящей.

— *Не благодари, — сказала она. — Просто... будь осторожен. Они не те, кем кажутся.*

И если они узнают, что ты коп...

Она не закончила фразу, но Марк понял.

— *А ты почему мне помогаешь?* — спросил он тихо.

Лира посмотрела на него, и в её глазах мелькнуло что-то тёмное.

— *Потому что я устала, — сказала она. — Устала следить за тем, чтобы всё было гладко. Устала делать вид, что не вижу, что происходит за фасадом. Адриан... он был хорошим. Не таким, как они. И если ты правда детектив... может быть, ты найдёшь то, что мы все боимся увидеть.*

Она отступила на шаг и кивнула ему.

— *Удачи, детектив из Нижнего города.*

И в её голосе было столько всего — и насмешка, и уважение, и что-то ещё, чего Марк не смог разгадать.

Бар был огромным, выложенным чёрным мрамором с золотыми прожилками, которые, казалось, светились изнутри. За стойкой стояли три бармена в белых рубашках и чёрных жилетах, двигаясь с синхронной точностью часового механизма.

Марк встал у стойки, стараясь не смотреть по сторонам, но периферийное зрение улавливало движения, смех, блеск драгоценностей. Он взял меню — тонкую, кожаную книжечку, которая пахла дорогой кожей и чем-то сладковатым.

Он открыл её, и его глаза пробежали по списку коктейлей. Большинство названий были на иностранных языках, которые он не знал. Но одно привлекло его внимание.

«Чёрная Бездна».

Состав: выдержанный виски, активированный уголь, экстракт чёрной смородины, капля абсента. Подаётся в чёрном стакане, украшенном съедобным золотом.

Марк усмехнулся про себя. *Подходяще, —* подумал он.

— *Чёрную Бездну, —* сказал он бармену, стараясь, чтобы голос звучал лениво, буднично.

Бармен поднял на него взгляд, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. Но он кивнул и начал готовить коктейль с движениями, которые были почти ритуальными.

Марк ждал, глядя на своё отражение в полированной поверхности стойки. Незнакомец смотрел на него в ответ. Человек в дорогом костюме, с уверенной осанкой, который заказывает коктейли с названиями, как у древних богов.

Кто ты? — подумал Марк. *Детектив из Нижнего города? Или богач, который притворяется детективом?*

Бармен поставил перед ним чёрный стакан. Жидкость внутри была действительно чёрной, как бездна, и на поверхности плавали крошечные золотые хлопья.

Марк взял стакан, почувствовав, как холод стекла впивается в пальцы. Он поднёс его к губам, но не успел сделать глоток.

— *Вы серьёзно?* — раздался голос за его спиной. — *Вы собираетесь пить это?*

Марк медленно обернулся.

Рядом с ним стоял молодой человек лет двадцати семи, в безупречном сером костюме, с идеально уложенными волосами и лицом, которое, казалось, было создано для того, чтобы смотреть на других сверху вниз. В руке он держал бокал с чем-то янтарным.

— *Простите?* — сказал Марк, и его голос прозвучал ровно, но в нём уже звенела сталь.

Молодой человек усмехнулся, но улыбка не коснулась его глаз. Он посмотрел на стакан Марка с таким выражением, словно тот только что вытер им обувь.

— *Чёрная Бездна,* — повторил он, словно дегустировал это слово. — *Серьёзно? Это же... это же бурда для подростков, которые хотят казаться взрослыми. Активированный уголь? Абсент? Это не коктейль, это галлюциногенная помойка.*

Марк почувствовал, как внутри закипает знакомое раздражение. Но он вспомнил слова Дженни: *«Не спорь. Не доказывай. Улыбнись. Снисходительно.»*

Он изобразил на лице лёгкую, скучающую усмешку и поднял свой стакан.

— *А что вы пьёте?* — спросил он, и его голос прозвучал лениво, почти равнодушно.

Молодой человек гордо поднял свой бокал.

— *«Золотой Рассвет». Выдержанный коньяк, шафран, капля мёда из редких цветов. Это напиток для тех, кто понимает толк в...*

— *В том, как тратить деньги на то, что вкусит как подслащённая моча?* — перебил его Марк, и в его голосе прозвучала лёгкая, ядовитая ирония.

Молодой человек замер. Его глаза расширились от удивления, а затем сузились.

— *Простите?* — прошептал он, и в его голосе зазвенела опасность.

Марк сделал глоток из своего стакана. Чёрная жидкость обожгла горло, оставив после себя странный, металлический привкус.

— *Я сказал,* — повторил он, и его голос прозвучал тихо, но чётко, — *что ваш напиток выглядит как моча. И, судя по вашему лицу, вкусит он так же.*

Молодой человек покраснел. Его челюсть сжалась, и на секунду Марку показалось, что тот собирается ударить его. Но вместо этого он резко развернулся и зашагал прочь, бросив через плечо:

— *Вы пожалеете об этом.*

Марк усмехнулся и сделал ещё один глоток. *Пусть пожалеет,* — подумал он. *Мне плевать.*

— *Давно никто так не разговаривал с Джаредом.*

Голос раздался сбоку, тихий, с лёгкой хрипотцой. Марк обернулся.

Рядом с ним стояла девушка в красном платье. Платье было простым, но безупречным, облегающим фигуру так, что Марк на секунду забыл, как дышать. У неё были длинные, тёмные волосы, которые падали на плечи волнами, и глаза... глаза были зелёными, как изумруды, и в них плескалась та самая, опасная глубина — глубина, которая обещала и тайну, и власть, и нечто, от чего хотелось бежать, но невозможно было оторвать взгляд.

— *Простите?* — сказал Марк, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Девушка усмехнулась, и в её улыбке было что-то хищное.

— *Джаред Коул*, — сказала она, кивнув в сторону уходящего молодого человека. — *Это он. И вы только что сделали то, что я давно хотела сделать. Высмеять его перед всеми.*

Она протянула руку.

— *Селена Марш*, — представилась она. — *И вы, должно быть, тот самый загадочный незнакомец, который заказывает Чёрную Бездну и не боится последствий.*

Марк пожал ей руку. Её ладонь была тёплой, мягкой, но в её рукопожатии была сила.

— *Марк*, — сказал он. — *Марк... Винтер.*

Он сам не знал, почему назвал эту фамилию. Она просто пришла ему в голову, как старый пароль, который он забыл, что знает.

— *Консалтинг*, — добавил он, вспомнив слова Дженни. — *Помогаю компаниям... оптимизировать процессы.*

Селена подняла бровь, но не стала расспрашивать. Она махнула бармену, и тот мгновенно появился перед ней.

— *Мне «Кровавую Розу»*, — сказала она, и бармен кивнул.

Они стояли у бара, и Селена болтала о пустяках — о погоде, о последних сплетнях Верхнего города, о том, какой скучный был вечер. Марк кивал, улыбался, делал глотки из своего чёрного стакана, чувствуя, как алкоголь медленно разливается по венам, притупляя бдительность.

Но его разум работал. Он смотрел на Селену, на её руки, на то, как она держит бокал, как смеётся, как откидывает волосы назад. Он искал в ней следы той ночи. Следы Адриана.

— *Вы давно в Верхнем городе?* — спросила она, и её взгляд стал внимательнее.

— *Всю жизнь*, — соврал Марк, и его голос прозвучал ровно. — *Просто... предпочитаю не афишировать своё присутствие.*

Селена усмехнулась.

— *Загадочный консалтер*, — прошептала она. — *Мне это нравится.*

Она подняла бокал.

— *За новые знакомства*, — сказала она.

Марк поднял свой чёрный стакан.

— *За новые знакомства*, — повторил он.

Они чокнулись, и звон стекла прозвучал в тишине, как начало чего-то, что Марк ещё не мог разгадать.

Глава 7. Чёрная Бездна

Селена сделала глоток из своего бокала, и её зелёные глаза, казалось, светились в полумраке бара.

— *Ты бывал в «Элизиуме» раньше, Марк Винтер?* — спросила она, и в её голосе прозвучала лёгкая, игривая нотка. — *Или это твой первый визит в наш маленький рай?*

Марк почувствовал, как внутри закипает напряжение. Он не знал, сколько раз «Марк Винтер» бывал здесь. Он не знал, какие столики были зарезервированы за постоянными гостями, какие коктейли заказывали завсегда, какие лица видели здесь чаще всего.

— *Бывал*, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал лениво, буднично. — *Но... быстро. По делам. Не было времени оценить... всё это.*

Он сделал широкий жест рукой, обводя бар.

Селена усмехнулась, и в её улыбке было что-то хищное, довольное.

— *Понимаю*, — сказала она. — *Ты занят. Важный консалтер, оптимизирующий процессы.* — Она подчеркнула последние слова с лёгкой иронией, но в её глазах не было насмешки. Было что-то другое. Интерес? — *Но раз ты здесь... может, покажу тебе, что здесь и как? У меня есть несколько мест, которые ты точно не видел.*

Марк кивнул, чувствуя, как облегчение смешивается с настороженностью.

— *С удовольствием,* — сказал он.

Они отошли от бара, и Марк наконец позволил себе осмотреться по-настоящему.

Бар был огромным, но не давящим. Высокие потолки терялись в сумраке, освещённые мягким, золотистым светом хрустальных люстр, которые, казалось, парили в воздухе без всякой поддержки. Пол был выложен тёмным мрамором с золотыми прожилками, которые изгибались, как вены какого-то гигантского, спящего существа.

Вдоль стен тянулись бархатные диваны глубокого изумрудного цвета, между которыми стояли столики из полированного дерева, покрытые тонким слоем лака, в котором отражался свет люстр. Но больше всего поражали растения.

Они были везде. Огромные пальмы с раскидистыми листьями, которые касались потолка. Экзотические орхидеи, свисающие с балконов второго уровня, словно разноцветные водопады. Папоротники, которые росли прямо из стен, создавая живые, зелёные картины. Воздух здесь был тяжёлым, пропитанным запахом цветов, земли и чего-то сладковатого, почти дурманящего.

В углу, на небольшой сцене, играл джаз-квартет. Саксофонист закрывал глаза, когда играл, и его музыка лилась, как тёмная, густая река, обволакивая всё вокруг. Контрабасист кивал в такт, его пальцы бегали по струнам с ленивой уверенностью. Пианист улыбался, словно играл не для публики, а для себя.

Всё здесь было выверено до миллиметра. Каждый цветок, каждый луч света, каждый звук — всё было частью единого, идеально продуманного целого. Это было не просто место для питья. Это был храм, посвящённый богу совершенства.

— *Пойдём,* — сказала Селена, касаясь его локтя. Её пальцы были тёплыми, и Марк почувствовал, как по коже пробежала дрожь. — *Я покажу тебе кое-что особенное.*

Они прошли через бар, и Селена подвела его к узкой двери в глубине зала, отделанной тёмным деревом. Рядом не было ни кнопки, ни панели — только матовая металлическая пластина. Селена приложила к ней ладонь, и дверь бесшумно раскрылась, открывая кабину лифта.

Лифт был небольшим, но впечатляющим: стены из тонированного стекла, пол из чёрного полированного камня, потолок, светящийся мягким, почти незаметным светом. Когда они шагнули внутрь, дверь закрылась с герметичным шипением, и кабина тронулась — не плавно, а резко, почти вертикально, словно её выстрелило вверх.

Марк инстинктивно схватился за поручень. Селена усмехнулась, но не стала комментировать.

Лифт поднимался быстро, и через стеклянные стены Марк видел, как бар остаётся внизу — сначала как на ладони, потом как игрушечная диорама.

Селена болтала о пустяках, но Марк слушал вполуха, его разум работал, цепляясь за каждое слово, каждый намёк.

— *...а ты слышал про семью Ротвеллов?* — говорила она, не отрывая взгляда от города за стеклом. — *Старик Ротвелл, кажется, окончательно сошёл с ума. Говорят, он продал половину своего состояния какой-то секте, которая верит, что конец света наступит через воду. Представляешь? Через воду!*

Марк почувствовал, как холод прокатился по его спине.

— *Через воду?* — повторил он, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

— *Да,* — Селена фыркнула. — *Какая-то новая религия. Они считают, что вода — это древняя сила, которая очистит мир. Они собираются в подвалах, пьют какую-то чёрную жижу и ждут, когда "старые боги" проснутся.* — Она рассмеялась. — *Представляешь? В двадцать первом веке!*

Марк сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. *Старые боги. Чёрная жижа. Подвалы. Это было слишком. Это не могло быть совпадением.*

— *Звучит... увлекательно,* — выдавил он, и его голос прозвучал неуверенно.

Селена посмотрела на него, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на любопытство.

— *Ты когда-нибудь слышал о них?* — спросила она.

— *Нет,* — быстро ответил Марк. — *Просто... звучит как что-то из дешёвого триллера.*

Лифт мягко затормозил. Панель над дверью мигнула символом — стилизованной звездой. Дверь бесшумно раскрылась, и они шагнули на террасу.

— *Вот,* — сказала Селена. — *Терраса. Лучший вид в городе.* Марк шагнул наружу и замер.

Терраса была огромной, открытой, с перилами из полированного металла, которые уходили ввысь, словно руки, тянущиеся к небу. Пол был выложен стеклом, и под ногами, казалось, зияла бездна.

Но больше всего поражал вид.

Они стояли на высоте сотни метров над городом. Внизу, как на ладони, расстилался Верхний город — сверкающий, чистый, идеальный. Огни небоскрёбов мерцали, как звёзды, упавшие на землю. Парки светились зелёным, улицы блестели, как зеркала.

Но за пределами Верхнего города, за плазменной стеной, которая теперь казалась тонкой, хрупкой нитью, раскинулся Нижний город. Он был тёмным, грязным, задыхающимся. Смог висел над ним, как погребальный саван, и только редкие, тусклые огни пробивались сквозь эту пелену.

Марк смотрел на этот контраст, и в его груди закипала знакомая, ядовитая ярость. Два мира, думал он. Две реальности. И мы живём в одной, а они — в другой.

— *Красиво, да?* — сказала Селена, подходя к перилам. — *Иногда я стою здесь и думаю... что там, внизу, тоже люди. Что они тоже дышат, смеются, любят. Но потом я смотрю на этот вид, и...* — она пожала плечами. — *Забываю.*

Марк подошёл к ней, чувствуя, как холодный ветер треплет его волосы.

— *Ты когда-нибудь спускалась туда?* — спросил он тихо.

Селена посмотрела на него, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на грусть.

— *Нет,* — сказала она. — *Никто из нас не спускается. Зачем? Там нет ничего, что могло бы нам понадобиться.*

Марк усмехнулся, но улыбка не коснулась его глаз.

— *Может быть,* — сказал он. — *А может быть, там есть что-то, чего мы не видим отсюда.*

Они стояли молча, глядя на город. Ветер на этой высоте был холодным и чистым — таким, какого Марк никогда не вдыхал в Нижнем городе. И этот контраст — чистый воздух наверху, ядовитый смог внизу — казался ему почти физически оскорбительным.

— *Знаешь,* — вдруг сказала Селена, не отрывая взгляда от города. — *Десять лет назад всё было по-другому.*

Марк повернулся к ней.

— *Как именно?* — спросил он, и его голос прозвучал тихо, но напряжённо.

Селена помолчала, затем медленно произнесла:

— *Тогда здесь не было так... спокойно. Были скандалы. Исчезновения. Люди говорили о каких-то странных вещах. О культах. О чёрной воде. О том, что что-то просыпается в глубинах.*

Она повернулась к нему, и в её глазах был страх.

— *А потом... всё затихло. Как будто кто-то выключил звук. И с тех пор — тишина. Идеальная, стерильная тишина.*

Марк почувствовал, его тело окаменело. Десять лет назад. Именно тогда начались те убийства. Именно тогда дело закрыли. Именно тогда всё затихло.

— *И ты думаешь, это... нормально?* — спросил он, и слова вышли сухими, как песок.

Селена усмехнулась, но улыбка была горькой.

— *Нормально?* — повторила она. — *В Верхнем городе нет ничего нормального, Марк. Есть только то, что мы выбираем видеть.*

Они стояли молча, глядя на город. И Марк понял, что эта тишина — не мир. Это затишье перед бурей. Перед тем, как что-то древнее и голодное поднимется из глубин и напомнит им всем, кто здесь настоящий хозяин.

— *Ах, вот вы где!*

Голос раздался за их спиной, и Марк почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он обернулся.

Джаред Коул стоял в нескольких шагах от них, и что-то в нём было... неправильным. Его серые глаза, которые минуту назад горели злобой, теперь были широко раскрыты, а на лице играла улыбка — слишком широкая, слишком натянутая, словно маска, которую надели на скорую руку.

— *Я вас везде искал,* — продолжил он, подходя ближе. Его движения были слишком плавными, слишком контролируемыми, как у марионетки, которую дёргают за невидимые нити. — *Надеюсь, я не помешал вашему... увлекательному вечеру?*

Он рассмеялся, и этот смех прозвучал фальшиво, как звук сломанной музыкальной шка-тулки.

— *Знаете, я подумал... может быть, я был слишком резок?* — Джаред сделал ещё шаг, и Марк почувствовал запах его дорогого одеколona, смешанный с чем-то другим. Чем-то сладковатым, почти тошнотворным. — *Я ведь не хотел вас обидеть. Просто... вкусы у всех разные, правда? И я, кажется, позволил себе... некорректное замечание.*

Он протянул руку, словно собираясь пожать руку Марку, но тут же опустил её, словно передумал.

— *Так что... приношу свои извинения,* — выдал он, и в его голосе была такая лесть, такая угодливость, что Марку стало не по себе. — *Может, выпьем вместе? В баре? Без споров о вкусах? Каждый закажет то, что ему нравится, и мы... просто проведём приятный вечер?*

Селена смотрела на него, и Марк заметил, как её пальцы, державшие бокал, побелели. Её зелёные глаза были широко раскрыты, и в них читалось не удивление, а... узнавание? Словно она видела это поведение раньше, и оно пугало её до смерти.

— *Джаред,* — тихо сказала она, и в её голосе прозвучала предупреждающая нотка. — *Ты в порядке?*

— *Конечно, в порядке!* — Джаред рассмеялся снова, и этот смех был ещё более фальшивым. — *Почему ты спрашиваешь? Я просто... я просто хочу извиниться. Перед нашим новым другом. Перед Марком.*

Он повернулся к Марку, и в его глазах мелькнуло что-то тёмное, что-то, что исчезло так же быстро, как и появилось.

— *Ну что, Марк?* — Джаред хлопнул его по плечу, и его ладонь была холодной, как лёд. — *Выпьем? За... за новые знакомства?*

Марк колебался. Что-то внутри него кричало, что это ловушка. Что поведение Джареда неестественно, что его извинения фальшивы, что его улыбка — это маска хищника, который притворяется овцой.

Но он был в «Элизиуме». Он был «Марком Винтером», консалтером из Верхнего города. И здесь, в этом мире фальши и роскоши, отказ от предложения выпить был бы... неуместным. Грубым.

— *Хорошо,* — сказал он, и его голос прозвучал ровно, но внутри всё сжалось. — *Выпьем.*

Джаред просиял, и эта радость была такой неестественной, что Марку захотелось отступить.

— *Отлично!* — Джаред развернулся и зашагал к лифту, ведущему вниз, в бар. — *Селена, ты с нами?*

Селена посмотрела на Марка, и в её глазах была немая просьба: не иди. Но она кивнула и последовала за ними, её каблуки стучали по стеклянному полу, как удары сердца.

Они спустились в бар, и Джаред тут же заказал напитки.

— *Мне «Золотой Рассвет»,* — сказал он бармену, и его голос звучал слишком громко, слишком уверенно. — *Селене — «Кровавую Розу». А тебе, Марк...* — он повернулся, и в его глазах мелькнуло что-то тёмное. — *Что ты будешь пить?*

— *Чёрную Бездну,* — сказал Марк, не задумываясь.

Джаред усмехнулся.

— *Отличный выбор,* — сказал он. — *Очень... символический.*

Бармен начал готовить коктейли, и Джаред встал рядом с ним, болтая о пустяках. Марк стоял чуть в стороне, глядя на Селену. Она сидела на высоком стуле, её пальцы нервно теребили край платья, и её взгляд был прикован к Джареду.

— *Ты знаешь его давно?* — тихо спросил Марк.

Селена вздрогнула и повернулась к нему.

— *С детства,* — сказала она, и её голос дрогнул. — *Мы... мы росли вместе. Наши семьи... они близки.*

Она помолчала, затем наклонилась ближе, и её голос стал шёпотом.

— *Марк, что-то не так. Джаред... он никогда не извиняется. Никогда. Он скорее умрёт, чем признает, что был неправ. А сейчас...*

Она не закончила фразу, потому что бармен поставил перед ними напитки.

— *Вот ваши коктейли,* — сказал он, и его голос прозвучал буднично, но Марк заметил, как его руки дрожали.

Джаред взял свой бокал с «Золотым Рассветом» и поднял его.

— *За новые знакомства!* — провозгласил он, и его улыбка была слишком широкой, слишком фальшивой.

Селена взяла свой бокал, но не стала пить. Она смотрела на Джареда, и в её глазах был страх.

Марк потянулся к своему коктейлю — чёрному стакану с «Чёрной Бездной». Но в этот момент Джаред сделал что-то странное.

Он наклонился ближе, словно собираясь чокнуться с Марком, и его рука скользнула к маленькому, тёмному флакону, который он держал в другой руке. Флакон был крошечным, не больше мизинца, похожий на парфюмерный пузырёк. И прежде чем Марк успел понять, что происходит, Джаред быстро, почти незаметно пшикнул что-то из флакона в чёрный коктейль.

Это длилось долю секунды. Тёмная капля упала в жидкость, и на мгновение поверхность коктейля покрылась странной, маслянистой плёнкой, которая тут же растворилась.

Марк замер. Его разум кричал, что что-то не так. Что он видел эту тёмную каплю. Что запах коктейля изменился — теперь в нём была нотка чего-то сладковатого, почти тошнотворного, как запах от Джареда.

Но он был в «Элизиуме». Он был «Марком Винтером». И здесь, в этом мире фальши, отказ от тоста был бы... неуместным.

Он поднял стакан.

— *За новые знакомства,* — сказал он сквозь зубы.

Он чокнулся с Джаредом и Селеной, и звон стекла прозвучал, как похоронный колокол. Затем он поднёс стакан к губам и сделал глоток.

Чёрная жидкость обожгла горло, но вкус был... другим. Теперь в нём была эта сладость, эта тошнотворная нотка, которая оседала на языке, как масло.

Марк опустил стакан, и на мгновение мир вокруг него поплыл.

— *Ну вот,* — сказал Джаред, и его улыбка была торжествующей. — *Разве не замечательно?*

Марк хотел ответить, но язык не слушался. Он почувствовал, как внутри, где-то в районе желудка, начинает подниматься холодная, вязкая волна. Голова закружилась, и бар, люстры, лица Селены и Джареда — всё это начало расплываться, как акварель под дождём.

Что это? — пронеслось в его голове. Наркотик? Он подсыпал мне наркотик?

Но вкус... вкус был знакомым. Медь. Гниль. Озон. Те самые запахи, которые он вдыхал в своём сне. Та самая чёрная, плотная вода, которая заполнила его рот и потянула на дно.

Откуда это? Откуда он это взял?

Но мысли уже расплывались, становились вязкими, непослушными. Колени подогнулись, и он почувствовал, как падает. Последнее, что он увидел, была насмешливая улыбка Джареда, его широко раскрытые, безумные глаза.

— *Кажется, наш друг перебрал, — донёсся голос Джареда, далёкий, словно из-под толщи воды. — Охрана! Помогите ему, пожалуйста. Кажется, ему нужно выйти на свежий воздух.*

И темнота сомкнулась над ним.

Глава 8. Корабль в бездне

И снова корабль.

Он стоял на палубе, которая трещала и стонала, как переламываемые кости. Вокруг бушевало не море, а черная, вязкая, маслянистая бездна. Она пахла медью, гнилью и озоном — запахом древней, застоявшейся смерти.

Так, — подумал он, и его голос прозвучал в его собственной голове пугающе спокойно. Это сон. Или я в своем сознании. Но я понимаю, что я тут. Как это так?

Он посмотрел на свои руки. Они были реальными. Он чувствовал холод ветра на лице, чувствовал, как палуба ходит под ногами.

Повлияло ли то, что накапал мне Джаред? Что это было? Где я?

Он поднял взгляд. На горизонте, за черной, маслянистой поверхностью воды, виднелось что-то громадное. *Может, это горы? Или так падает тень от неба? Или... или это кто-то живой?*

Он почувствовал, как по спине пробежали мурашки. *Бррр. Только не это. Только не мысль о том, что это кто-то живой.*

Он знал итог. Сейчас начнет ломаться судно, и он начнет тонуть. А дальше снова придет в себя. В баре. В «Элизиуме». Селена будет смотреть на него с тревогой, Джаред — с насмешкой.

Но на этот раз всё пошло не так.

Море стихло.

Волны, которые минуту назад бились о борт шхуны, внезапно замерли. Поверхность воды стала гладкой, как зеркало, неподвижной, мертвой. Но ощущение присутствия чего-то под ним не покидало. Оно было везде. В воде. В воздухе. В его собственной коже.

Марк подошел к борту и попытался всмотреться в бездну.

Но бездна пожирала его взгляд и начала сводить с ума.

Он почувствовал, как что-то холодное, липкое начинает проникать в его разум, словно щупальца, которые обвивают мозг и сжимают его, выдавливая мысли, воспоминания, саму суть его «я».

Накатывала паническая атака. Пульс бил в висках, как молот, он слышал его стук в ушах. Дыхание стало рваным, поверхностным. Он отшатнулся от борта, чувствуя, как теряет контроль над собой.

Что это? Что со мной? Я умираю? Это смерть?

Он огляделся. Шхуна была маленькой, жалкой, с покосившимися мачтами и рваными парусами. Он спустился в трюм, надеясь найти там что-то, что поможет ему понять, где он.

Трюм был темным, сырым, пахнувшим гнилью и солью. Посреди него, на деревянном ящике, лежала фотография.

Марк подошел ближе и поднял её.

На фотографии был он сам.

Но он никогда не делал эту фотографию.

На снимке он стоял на берегу черного моря, за его спиной виднелись руины какого-то циклопического города. Его лицо было бледным, глаза — пустыми, а на губах играла странная, неестественная улыбка.

Марк перевернул фотографию. На обороте не было ни даты, ни подписи. Только тонкий слой какой-то маслянистой субстанции, которая поблёскивала в полумраке трюма, как нефтяная плёнка на воде. Он прикоснулся к ней пальцем — и отдернул руку.

Бумага была тёплой.

Не от его собственных пальцев. Не от воздуха в трюме. Она была тёплой сама по себе — как кожа живого существа. Как будто внутри неё бился какой-то невидимый, тихий пульс.

Это невозможно, — подумал Марк. Фотографии не бывают тёплыми.

Но он чувствовал это. И ещё он чувствовал что-то другое — странное, липкое ощущение узнавания. Как будто он уже держал эту фотографию в руках. Как будто он уже стоял на этом берегу. Как будто улыбка на его собственном лице была не случайной, а... ожидаемой.

Он сунул фотографию в карман, стараясь не думать об этом. Но ощущение не уходило. Оно осталось — тёплое, странное, почти... знакомое. Как если бы фотография была не просто снимком, а чем-то большим. Письмом. Приглашением. Или... ловушкой.

Откуда она тут? — подумал он, чувствуя, как холод прокатывается по спине. Я никогда не был в таком месте. Я никогда не делал эту фотографию.

Но тут же его разум, пытаясь рационализировать происходящее, нашёл объяснение: *Это мое подсознание. Наверное, просто дорисовывает то, что я думаю. Это же сон, в конце концов.*

Как долго я тут буду? Пока не очнусь? А если я умер и это река Стикс? Но где тогда Харон?

Он усмехнулся, но улыбка тут же сошла с его лица. *Да нет. Не мог я умереть вот так просто. Просто надо ждать. Просто надо ждать, пока это закончится.*

Время тянулось. Минуты? Часы? Дни? Он не знал. Ничего не менялось. Море оставалось неподвижным. Тишина была абсолютной, давящей, невыносимой.

И вдруг он не выдержал.

Он встал, подошел к борту шхуны и закричал.

Крик разорвал тишину, эхом отскочив от черной, неподвижной поверхности воды. Он кричал от одиночества. От паники. От тщетности всего этого. От осознания, что он заперт здесь, в этом кошмаре, и не знает, как выбраться.

— *Где я?! —* орал он, и его голос срывался на хрип. — *Что это?! Почему я здесь?!*

Но в ответ была только тишина. И ощущение, что где-то глубоко, под черной водой, что-то огромное и древнее медленно поворачивается, услышав его крик.

И как только последнее эхо его крика разнеслось по мертвой воде, что-то изменилось.

Вода начала подниматься. Не волнами — нет, это было хуже. Титанические плиты черной жижи решили сойтись в том месте, где стояла его жалкая шхуна, словно гигантские челюсти смыкались над насекомым. Горизонт исчез, небо исчезло, осталось только это — черное, вязкое, неумолимое.

Корабль понесло. Мачты трещали, как кости гиганта, паруса рвались с звуком, похожим на предсмертный вопль. Вода захлестывала палубу, холодная, плотная, пахнущая медью и гнилью. Марк попытался удержаться, но ноги скользили по мокрой древесине, и он почувствовал, как его тело срывается с палубы.

Он упал за борт.

Но успел — пальцы вцепились в леерное ограждение, холодный металл впился в ладони, и он повис над бездной, чувствуя, как руки начинают предательски дрожать. Каждая мышца горела, каждый нерв кричал от напряжения. Он держался. Держался, пока мог.

Но руки мокли. Пальцы скользили.

И он сорвался.

Пучина начала затягивать его. Черная вода обвила его тело, как щупальца, тянула вниз, в холод, в темноту, в забвение. Он начал жадно хватать воздух, которого уже не было, его легкие горели, грудь разрывалась от спазмов.

Я тону, — подумал он, и эта мысль была странной, отстраненной. Я медленно тону в своем сознании. Это конец?

Глава 9. Цена предательства

В реальности на него вылили ведро воды.

Холодная, ледяная вода обрушилась на него, и он вздрогнул всем телом, как от удара током. Он начал жадно хватать воздух, будто до этого у него не работали легкие, кашлял, плевался, его тело билось в конвульсиях.

— *Дыши, черт тебя возьми, дыши!*

Знакомый голос. Женский. С хрипотцой.

Марк открыл глаза, и мир вокруг него поплыл, расплывался, складывался в какие-то бессмысленные образы. Бетонные стены. Тусклый свет лампы. Запах сырости, но не тот запах — не гниль и плесень Нижнего города. Это было что-то другое. Стерильно. Холодно.

Он моргнул, пытаясь сфокусировать зрение.

Он лежал на холодном бетонном полу, мокрый насквозь. Рядом стояла Селена. На её красном платье были пятна воды, волосы растрепались, макияж размазался, но в её глазах не было той игривости, которая была в баре. Там был страх. И решимость.

— *Где...* — слова были тяжёлыми, как камни. — *Где я?*

— *В Верхнем городе,* — коротко бросила она, вытирая руки о платье. — *В подвале одного из зданий корпорации Асока. Не спрашивай, как я тебя сюда доставила. Спроси лучше, почему я не оставила тебя умирать в баре.*

Марк медленно встал, чувствуя, как ноги дрожат. Голова все еще кружилась, но разум работал.

— *Джаред...* — выдавил он. — Он подсыпал мне эту воду.

— *Да,* — кивнула Селена. — *Но не потому что он хочет спастись. Не потому что он верит в какой-то ритуал.*

Она посмотрела на него, и в её глазах была такая усталость, что Марку стало больно.

— *Джаред... он уже не в себе, Марк. Вода, которую он пил годами... она начала плавить ему мозги. Он стал параноиком. Ему кажется, что за ним следят. Что оно придёт за ним. Что он следующий.*

Она помолчала, подбирая слова.

— *А ты... ты его оскорбил. В баре. Перед всеми. Ты высмеял его напиток, его вкус, его самого. И он... он не простил. Для него это было как пощёчина. Как предательство.*

Селена сжала кулаки, и её голос стал твёрже.

— *Он решил отомстить. Просто отомстить. Он думал: «Если я напою его этой водой, он станет таким же, как я. Таким же сломанным. Таким же напуганным. И тогда мне будет легче. Потому что я буду не один».*

Марк почувствовал, по коже пробежали мурашки, как от прикосновения ледяного пальца.

— *Но это бред,* — прошептал он. — *Это не работает так.*

— *Конечно не работает,* — Селена горько усмехнулась. — *Но Джаред... он уже не понимает разницы. Вода в его голове... она шепчет ему. Она говорит, что если он передаст "метку"*

другому, оно не придёт за ним. Что он может обмануть судьбу. Что он может спасти себя, пожертвовав кем-то другим.

Она посмотрела на него, и в её глазах был страх.

— Но это не так. Это просто бред сумасшедшего. Вода не работает как вирус. Она не передаётся через "метку". Она просто... меняет тебя. Медленно. Неотвратно. И Джаред... он уже слишком глубоко. Он не может остановиться. Он не может думать ясно. Он просто... мстит. И верит в свою ложь.

Марк сжал кулаки, чувствуя, как внутри закипает ярость.

— А флакон? — спросил он. — Откуда у него флакон с этой водой? Ты же сказала, что Виктор уничтожил все образцы.

Селена поморщилась.

— Не все, — тихо сказала она. — Виктор... он оставил немного. Для себя. Для экспериментов. Для... для того, чтобы контролировать процесс. Джаред знал, где это хранится. Он... он крал. Понемногу. Бутылочку за бутылочкой. Виктор не замечал. Или делал вид, что не замечает.

Она посмотрела на Марка, и в её глазах была вина.

— Джаред пил эту воду годами. И теперь... теперь он на грани. Он не понимает, что делает. Он просто... мстит. И верит, что это спасёт его.

Она посмотрела на него, и в её глазах были слёзы.

— Я привезла тебя сюда, потому что не знала, что ещё делать. Если бы я вызвала скорую, они бы забрали тебя. И тогда... тогда Джаред бы добрался до тебя в больнице.

— Почему ты помогаешь мне? — спросил он.

Селена посмотрела на него, и в её глазах была такая усталость, что Марку стало больно.

— Потому что я любила Адриана, — сказала она. — И потому что я знаю, что если мы не остановим Джареда... если мы не найдём способ остановить это... то оно придёт за всеми нами.

Она сделала шаг к нему.

— И потому что ты единственный, кто не боится. Ты был там. И ты выжил.

Марк посмотрел на свои руки. Они всё ещё дрожали. Но не от страха. От осознания.

Корпорация Асока. Они не просто владели технологиями. Они создали это. Они отравили океан, и океан отплатил им. И теперь эта чёрная, маслянистая вода, пахнувшая медью и гнилью, забирала их по одному.

— Хорошо, — сказал он, и его голос прозвучал твёрдо. — Расскажи мне всё. С самого начала. Что случилось с Адрианом? Куда он пропал перед тем, как его нашли мёртвым?

И Селена начала рассказывать.

Селена начала ходить по подвалу, её каблук стучали по бетону, как удары метронома, отсчитывающего время до катастрофы.

— Когда Асока поняли, что натворили, первой реакцией была паника, — начала она, и её голос звучал глухо в замкнутом пространстве. — Они попытались замести следы. Закрыли ту станцию, уволили рабочих, заставили всех подписать соглашения о неразглашении. Но Виктор Асока...

Она остановилась и посмотрела на Марка.

— Виктор Асока — это человек, который чувствует деньги так, как акула чувствует кровь. Даже в самом страшном, даже в самом отвратительном он видит прибыль. Он посмотрел на эту чёрную жижу и сказал: «Это не проблема. Это продукт».

Марк прислонился к стене, чувствуя, как холодный бетон просачивается сквозь мокрую рубашку.

— *Что они пытались из неё сделать?* — спросил он.

Селена усмехнулась, и в этой усмешке было столько горечи, что она могла бы растворить сталь.

— *Сначала — топливо. Представь: жидкость, которая содержит энергию в концентрации, в сотни раз превышающей любой известный источник. Капля этой жижи могла питать двигатель неделю. Они пытались создать супертопливо, которое сделало бы их монополистами не только в этом городе, но и во всём нашем мире.*

Она сделала паузу, её пальцы нервно теребили край платья.

— *Потом... потом они открыли другое. Оказалось, что в малых дозах эта субстанция не просто меняла тело. Она меняла сознание.*

— *Понимаешь разницу?* — Селена посмотрела на него, и в её глазах был холод. — *Большая доза — и тело ломается. Суставы выворачивает, лицо обезображивается, лёгкие заполняются этой жижей. Так погибли те рабочие десять лет назад. Так погиб Адриан. Он пил слишком много, слишком часто. Его тело не выдержало.*

Она помолчала, подбирая слова.

— *Но малые дозы... микродозы... они действуют иначе. Медленно. Незаметно. Тело не ломается — оно меняется. Клетки перестраиваются. Сознание расширяется. И самое страшное... люди начинают видеть.*

— *Видеть что?* — тихо спросил Марк.

— *Места, которых не существует,* — ответила она, и в её голосе прозвучала такая боль, что у Марка сжалось сердце. — *Циклопические города под водой. Чёрное море. Фигуры. Высокие, тонкие, с лицами, которые почти человеческие... но не совсем. Они видят их в снах. В галлюцинациях. И с каждым разом видения становятся яснее.*

Марк почувствовал, как кровь отливает от лица. Он вспомнил свой сон. Шхуну. Чёрное море. Циклопические руины.

— *Ты думаешь, это галлюцинации?* — спросил он.

— *Я не знаю,* — Селена покачала головой. — *Ротвелл думает, что это не галлюцинации. Что это... контакт. Что вода позволяет сознанию "настраиваться" на частоту чего-то древнего. Что те фигуры... это не видения. Это сущности. Древние. Могушественные. Те, кто жил в воде до нас. Кто помнит этот мир, когда он был молодым.*

Она посмотрела на него, и в её глазах был страх.

— *Он верит, что они ждут. Что они наблюдают за нами. Что они... зовут. Что те, кто пьёт достаточно долго, кто проходит трансформацию... они не умирают. Они присоединяются к ним. Становятся такими же, как они.*

— *И это стало развлечением,* — тихо сказал он.

— *Да,* — кивнула Селена. — *Для людей из Верхнего города это был азарт. Новые впечатления. Они устраивали закрытые вечеринки, «Вечера преображения», они их так называли. Принимали микродозы, теряли сознание, а потом делились тем, что видели. Кто дальше ушёл. Кто глубже спустился. Кто вернулся с большим. Адриан тоже участвовал. Джаред тоже.*

Она помолчала, затем продолжила:

— *Но были и те, кто понимал. Кто видел, что это не развлечение. Что это... дверь. И если эта дверь откроется слишком широко, если она вырвется в массы, если люди начнут терять сознание массами, начнут видеть одно и то же... это будет конец. Не война, не эпидемия. Конец реальности, какой мы её знаем.*

— *Тогда и решили приостановить,* — сказал Марк, он произнёс это так, будто глотал битое стекло.

— Да, — кивнула Селена. — Виктор Асока, под давлением нескольких членов совета директоров, свернул программу. Закрыв лабораторию. Уничтожил образцы. По крайней мере, так они думали.

Она помолчала, затем тихо добавила:

— Но ты помнишь, я говорила про Ротвелла?

Марк кивнул. Старик Ротвелл, который продал половину состояния секте, верящей в конец света через воду.

— Ротвелл был одним из тех, кто видел, что происходит, — сказала Селена. — И он был... слишком мнительным. Он верил, что эта вода — не просто химия. Что она живая. Что она думает. Что у неё есть воля. Что она помнит.

Она подошла к стене и прислонилась к ней, обхватив себя руками.

— Он продал часть своей корпорации, чтобы собрать деньги. Нанял людей — учёных, мистиков, бывших военных — тех, кто верил в то же, что и он. Они создали что-то вроде... ордена. Их цель была — обуздать эту жидкость. Не уничтожить, нет. Обуздать. Научиться контролировать её, чтобы, когда она вырвется на свободу, у человечества был шанс.

— И что с ними? — спросил Марк.

Селена пожала плечами, и в этом движении была такая безнадёжность, что у Марка сжалось сердце.

— Ходят слухи, что они «ушли под землю». Спустились в самые глубокие уровни Нижнего города. Что они нашли что-то там, в недрах. Что-то, что связано с этой водой. Что они строят... что-то. Но слухи... в Верхнем городе слухи — это валюта. Сегодня они стоят миллион, завтра — ничего.

Она посмотрела на Марка, и в её глазах вспыхнул огонёк.

— Но ты, Марк... ты пил эту воду. В своём сне, в своей голове, или в реальности — неважно. Ты был там, где она живёт. Ты видел то место. И ты выжил. Ты не вывернулся наизнанку. Ты не стал... другим.

Она сделала шаг к нему.

— Может быть, Ротвелл и его люди искали именно тебя. Человека, который может прикоснуться к бездне и не утонуть. Который может войти туда и вернуться.

Марк посмотрел на свои руки. На ладонях всё ещё оставался странный, маслянистый привкус, который он не мог смыть. Он вспомнил бездну, которая смотрела на него из-под чёрной воды. Он вспомнил фотографию в трюме шхуны — своё лицо, улыбающееся неестественной улыбкой на фоне циклопических руин.

— Или, — тихо сказал он, — может быть, бездна прикоснулась ко мне первой. И теперь она не отпустит.

В подвале повисла тишина. И где-то далеко, за стенами, за слоями бетона и стали, за сияющими улицами Верхнего города, океан продолжал биться о берега искусственного острова, и в его глубинах что-то древнее, терпеливое и голодное продолжало ждать.

Но почему?

Этот вопрос начал сверлить его мозг, пока Селена говорила. *Почему она так открыто делится информацией? Почему рассказывает ему всё — про корпорацию, про эксперименты, про Ротвелла? Люди из Верхнего города не делятся. Они скрывают, манипулируют, используют. Они не рассказывают копу из Нижнего города про семейные тайны, про мёртвых рабочих, про чёрную воду, которая меняет сознание.*

Или она врёт? — подумал Марк, и его детективное чутьё, притупленное действием черной воды, снова оживило. *Может, она запутывает меня? Может, она ведёт меня в ловушку? Может, она сама часть этого... всего?*

Его взгляд скользнул по её лицу — на её зелёные глаза, в которых теперь плескалась такая усталость, что ему стало больно. На её дрожащие руки. На мокрое красное платье, прилипшее к телу.

Или я уже схожу с ума? — мелькнула другая, ещё более страшная мысль. Может, это действие воды? Может, я всё ещё там, в чёрной воде, и это галлюцинация? Может, Селены вообще не существует?

Кому вообще верить можно? Он не понимал. В Нижнем городе всё было просто: есть хорошие люди, есть плохие люди, есть те, кто пытается выжить. А здесь... здесь каждый улыбался, и каждая улыбка была маской. Каждый говорил правду, и каждая правда была ложью.

Он открыл рот, чтобы спросить её — спросить прямо, в лоб, почему она ему всё это рассказывает, что ей с того, почему она рискует — но в этот момент дверь подвала открылась.

Не со скрипом. Не с грохотом. А с тихим, почти неслышным щелчком, словно она всегда была готова открыться по первому требованию.

И вошёл он.

Виктор Асока.

Глава 10. Бог, который чувствует кровь

Марк не мог поверить своим глазам. Это был не просто человек. Это было воплощение того, чем был Верхний город — холодное, расчётливое, непогрешимое. Высокий, худой, с безупречно седыми волосами и лицом, которое, казалось, было высечено из мрамора. На нём был тёмно-серый костюм, который стоил больше, чем весь участок Марка вместе с оборудованием. Но больше всего поражали глаза — серые, холодные, как сталь, и в них не было ничего человеческого. Ни гнева, ни скорби по умершему сыну, ни любопытства. Только расчёт. Только оценка.

Он молча осмотрел подвал, его взгляд скользнул по Селене, по Марку, по мокрым пятнам на полу, и остановился на Марке.

Марк не мог дышать. Он стоял перед человеком, который владел половиной этого города. Перед человеком, чьё имя было на каждом билборде, на каждой банкноте, на каждом документе. Перед «богом» этого мира, который создал правила, по которым жили миллионы. И этот «бог» стоял перед ним в грязном подвале, в нескольких шагах от него.

Как? — пронеслось в голове Марка. Как он здесь? Как он нашёл меня?

И его губы, предательски, сами собой произнесли это слово вслух:

— *Как?*

Виктор медленно поднял бровь.

— *Как что? —* спросил он, и его голос был тихим, но в нём звенела сталь. — *Как я вас нашёл? Не забыли ли вы, молодой человек, что это моя корпорация? Что полгорода — моё? Что каждая камера, каждый датчик, каждый охранник в этом здании работает на меня?*

Он сделал шаг вперёд, и Марк почувствовал, как воздух в подвале становится тяжелее.

— *Вы думали, что можете прийти в мой клуб, пить мои напитки, соблазнять моих гостей, и я не узнаю об этом? Вы думали, что можете потерять сознание в моём баре, и я не пришлю людей, чтобы выяснить, кто вы и чего хотите?*

Марк сглотнул. Его горло пересохло.

— *Я...* — начал он, но Виктор не дал ему закончить.

— *Селена,* — произнес Виктор, не поворачивая головы. — *Спасибо, что привезла его сюда.*

Он достал из кармана пачку денег и протянул ей. Не бросил на пол — а протянул, как коллеге, как партнёру.

Её руки дрожали.

И в этот момент в голове Марка всё сошлось. Как кусочки пазла, которые наконец-то встали на свои места. Как щелчок замка, который закрывается навсегда.

Она продала меня.

Вся эта история — про чёрную воду, про эксперименты, про Ротвелла, про «ушедших под землю» — всё это было правдой. Или, по крайней мере, частично правдой. Но она привезла меня сюда не для того, чтобы спасти. Она привезла меня сюда, чтобы продать. Чтобы отдать Виктору Асоке. Чтобы получить деньги и забыть обо всём, что знала.

Правильно говорили, что Верхний город не щадит, — подумал Марк, и в его голове не было злости. Только холодное, абсолютное понимание. Здесь каждый продаёт каждого. Нет союзников. Есть только те, кто продаёт, и те, кого продают.

Он посмотрел на Селену, которая стояла с пачкой денег в руках, не поднимая глаз.

— Ты... — начал он, но голос застрял в горле.

Виктор Асока наконец-то повернулся к нему полностью, и его серые глаза прожигали Марка насквозь.

— *А теперь, молодой человек, — тихо сказал он, — давайте поговорим о том, кто вы такой на самом деле. И почему мой мёртвый сын видел вас в своих снах за неделю до смерти.*

Безвыходная ситуация.

Эта мысль пульсировала в его голове, как больная рана. Он стоял перед человеком, который мог уничтожить его, одним словом. Перед человеком, который владел полицией, судами, всем чёртовым городом. И у Марка не было ничего — ни оружия, ни союзников, ни даже нормальной одежды, которая сейчас висела на нём мокрой и мятой тряпкой.

Почему он видел меня? — этот вопрос бился в его сознании. Почему Адриан видел меня в своих снах? Я видел его лицо на билбордах корпорации, в светских хрониках, которые Кира иногда листала за завтраком. Обычное, ухоженное лицо золотого мальчика. Но я никогда не встречал его. Никогда не говорил с ним. И уж точно не думал, что он может видеть меня в своих снах.

Но тут же его детективное чутьё, то самое, которое привело его в полицию, которое не давало ему покоя десять лет, когда он наткнулся на старые дела, зашевелилось.

Или он блефует?

Эта мысль была как глоток свежего воздуха. *Виктор Асока мог блефовать. Мог пытаться выбить из меня информацию, запугать, заставить выдать всё, что я знаю. Но что я знаю? Я не знаю ничего конкретного. Только то, что рассказала Селена. А Селена... Селена уже продала меня.*

Но как он понял, что это я был в снах его сына? — другая мысль, ещё более тревожная. Откуда он знает про сны? Если Адриан ему рассказывал — почему Виктор не нашёл меня раньше? Почему только сейчас?

И в этот момент Марк понял. Это была не просто догадка. Это было понимание, которое пришло откуда-то из глубины, из той части его мозга, которая отвечала за выживание, за инстинкты, за то чутьё, которое не раз спасало ему жизнь в Нижнем городе.

Виктор Асока не знал, что Марк был в снах его сына. Виктор Асока надеялся, что Марк был в снах его сына. Он блефовал. Он пытался выбить признание, заставить Марка выдать себя, подтвердить то, во что Виктор, возможно, сам верил, но не имел доказательств.

И Марк решил ответить дерзостью. Не потому что был храбрым. А потому что понимал: если он покажет слабость, если он начнёт оправдываться, объяснять, умолять — он мёртв. Виктор Асока не уважал слабость. Он уважал только силу. И если Марк хотел выжить — ему нужно было показать, что он не жертва. Что он — игрок.

Он выпрямился, несмотря на то, что ноги дрожали. Он посмотрел Виктору прямо в глаза, в эти серые, холодные, как сталь, глаза, и позволил себе лёгкую, почти наглуую усмешку.

— *А с чего это вы взяли, что это был я?* — спросил он, и его голос прозвучал ровно, почти лениво, несмотря на то, что он чувствовал, как его сердце вот-вот выскочит из груди, боялся, что Виктор услышит его стук. — *Если вы знали, что я существую, что я... что я был в снах вашего сына — почему не нашли меня сразу? Почему только после его смерти я стал вам интересен?*

Он сделал паузу, позволяя словам повиснуть в воздухе.

— *Или, может быть, вы не знали? Может быть, вы только сейчас поняли, что ваш сын видел кого-то, и теперь пытаетесь угадать — кто это был? И я просто... удобный кандидат?*

Виктор Асока не моргнул. Его лицо оставалось неподвижным, как маска. Но Марк заметил — едва заметное, микроскопическое напряжение в уголке его рта. Едва заметное, но оно было.

— *Вы смелы, молодой человек,* — тихо сказал Виктор. — *Или глупы. Возможно, и то, и другое.*

Он сделал шаг ближе, и Марк почувствовал запах его дорогого одеколона — что-то древесное, холодное, с едва уловимым медным оттенком, который Марк узнал бы из тысячи.

— *Вы думаете, что я блефую?* — продолжил Виктор, и в его голосе не было злости. Только холодное, абсолютное любопытство. — *Вы думаете, что я стою здесь, в этом грязном подвале, и пытаюсь выбить из вас признание? Что мне нужно, чтобы вы подтвердили то, во что я верю?*

Он усмехнулся, и эта усмешка была страшнее любого крика.

— *Нет, молодой человек. Я не блефую.*

Виктор Асока медленно обошёл Марка, его шаги были бесшумными, как у хищника, который знает, что добыча никуда не денется.

— *Мой сын, Адриан...* — он произнёс это имя так, словно дегустировал дорогое вино, в котором уже чувствовалась горечь. — *Он злоупотреблял. Баловался, как выражаются на вашем жаргоне. Эта чёрная вода... она была для него не экспериментом. Она была зависимостью. Он пил её не для того, чтобы увидеть что-то новое. Он пил её, потому что не мог остановиться.*

Виктор остановился перед Марком, и в его серых глазах на мгновение мелькнуло что-то, похожее на усталость. Но это было не раскаяние. Это было признание факта.

— *Я предупреждал его. Я говорил ему: «Адриан, ты не понимаешь, с чем имеешь дело. Это не просто химия. Это не просто вода. Это... своего рода "дверь". И если ты откроешь её слишком широко, ты не сможешь её закрыть». Но он не слушал. Никто не слушал. Они все думали, что могут контролировать. Что могут брать и не отдавать.*

Он усмехнулся, и эта усмешка была горькой, как желчь.

— *Но теперь мы там, где есть, молодой человек. И мой мёртвый сын, за неделю до своей смерти, пришёл ко мне. Он был... изменён. Не так, как те рабочие десять лет назад. Нет. Он был... другим. Он сказал, что видел кого-то. Кого-то, кто был в бездне и не сломался. Кого-то, кто вернулся. И он описал вас.*

Виктор подался вперёд, и его голос стал тише, тяжелее. Почти шёпот. Почти угроза.

— *Не по имени. Не по лицу. Но он описал суть. Коп из Нижнего города. Одержимый. Тот, кто может прикоснуться к бездне и не утонуть. И когда я узнал, что мой сын утонул в бассейне... я понял. Он нашёл вас. Или вы нашли его.*

Он выпрямился и посмотрел на Марка, и в его глазах был не гнев. Не скорбь. А что-то гораздо более страшное.

Надежда.

— Скажите мне, — тихо произнёс Виктор Асока. — *Что вы там видели?*

Выхода не было. Марк понял это с той же холодной, неумолимой ясностью, с какой когда-то понял, что лунатизм не отступит, если просто закрывать на него глаза. Он был слишком глубоко в этой паутине. Он видел тела. Он пил эту воду в своих снах. Он стоял перед человеком, который мог стереть его из реальности одним звонком. Ложь? Виктор раскусит. Молчание? Виктор истолкует как приговор. Оставалось только одно: всё или ничего.

Виктор Асока не сводил с него взгляда. Он читал Марка так, как опытный следователь читает лжеца на допросе: по микроскопическим подёргиваниям челюсти, по расширенным зрачкам, по тому, как пальцы правой руки неосознанно сжимались и разжимались в такт бешеному пульсу.

— *Вам некомфортно,* — констатировал Виктор. Не вопрос. Утверждение. — *Сырость. Теснота. Гул вентиляции, который звучит как дыхание больного зверя. В таких условиях даже самый откровенный человек замыкается в себе.*

Он сделал едва заметный жест в сторону стены, где раньше не было ничего, кроме голого бетона. Теперь, под его взглядом, панель бесшумно отъехала в сторону, обнажая кабину лифта. Двери были из матового стекла, пол — из чёрного полированного камня, внутри пахло озоном и чем-то сладковатым, вроде дорогих сигарет, которые курят только те, кто знает, что завтра наступит не скоро.

— *Мой кабинет на восемьдесят восьмом этаже,* — сказал Виктор, заходя внутрь. — *Панорамные окна. Чистый воздух. Вид, который напоминает о том, что мир всё ещё управляем. Возможно, там вы найдёте в себе силы говорить.*

Марк молча пошёл за ним. Отказ был бы равен подписанию собственной смерти. Он шагнул следом. Двери сомкнулись с герметичным шипением, и лифт плавно, без малейшего рывка, начал подниматься.

Стены стали прозрачными. Город раскрылся под ними, как живая карта. Снизу, из глубин, поднимался Нижний город — серая, задыхающаяся масса, опутанная трубами и проводами, где люди жили в щелях между гигантскими опорами. Выше, за мерцающей плазменной стеной, раскинулся Верхний город — стерильный, сияющий, выверенный до пикселя. А ещё выше — частные небоскрёбы, небесные сады, шпили, пронзающие смог, будто иглы, прищипливающие небо к земле.

Чем выше они поднимались, тем тише становился мир. Гул сменялся звенящей, вакуумной безмолвностью. Воздух внутри кабины был настолько чистым, что казалось, будто его вообще нет. Только запах дорогих материалов, только мягкий свет встроенных панелей, только отражение двух мужчин в стекле: одного — властного, холодного, непостижимого; второго — мокрого, измотанного, загнанного в угол, но всё ещё живого.

Марк смотрел на город, который удалялся, и решил бросить камень в воду.

— *Селена рассказала мне,* — начал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без дрожи. — *Что вы не просто хотели замести следы. Что вы пытались эту воду... подчинить. Взять под контроль.*

Он повернулся к Виктору. Тот стоял неподвижно, глядя на проплывающие этажи, словно считая их.

— *Зачем?* — продолжил Марк. — *После того, что она сделала с рабочими? С вашим собственным сыном? Вы видели, во что она превращает людей. Почему не запечатать всё это? Не сжечь станции? Не забыть, как дурной сон?*

Виктор не ответил сразу. Он медленно провёл пальцем по безупречному лацкану пиджака, поправляя невидимую складку.

— *Вы думаете, я жаден, детектив?* — тихо спросил он, наконец поворачивая голову.
— *Что я вижу в этом побочном продукте только прибыль?*

Марк промолчал. Виктор усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. Только усталость. Та самая, тяжёлая, что ложится на плечи человека, который слишком долго нёс один груз.

— *Жадность — это эмоция. Я давно перестал доверять тем, кто ими руководствуется. Я верю в законы. В физику. В то, что можно измерить, рассчитать и направить.*

Он шагнул ближе к стеклу, и город внизу отразился в его глазах.

— *Эта вода... она не яд. И не лекарство. Она — мост,* — тихо сказал Виктор. — *Десять лет назад мы просто открыли кран, не понимая, что запустили процесс, который нельзя остановить.*

— *Большая доза — и тело ломается. Мы видели это на рабочих, на Адриане. Но малые дозы... микродозы... они делают другое. Они перестраивают человека. Медленно. Клетка за клеткой. Год за годом. И в конце концов человек становится... чем-то иным.*

— *Чем?* — прошептал Марк.

— *Тем, что вы видели в своих снах,* — ответил Виктор, и в его голосе была ледяная, непоколебимая уверенность. — *Тем, что видят все, кто пьёт достаточно долго. Фигуры в циклопическом городе. Те, кто живёт в воде.*

Виктор замолчал. На мгновение в его голосе прозвучала трещина. Но тут же она затянулась, как шрам, под которым всё ещё пульсировала боль.

— *Ротвелл верит, что это не просто мутация. Что это... контакт с чем-то древним. Что вода позволяет сознанию "настраиваться" на частоту сущностей, которые жили в океане миллионы лет назад. Что те фигуры — это не видения. Это реальные существа. Древние. Могуущественные. И они пытаются связаться с нами. Через воду. Через резонанс.*

Он повернулся к Марку, и в его серых глазах не было безумия. Была ледяная, непоколебимая убеждённость.

— *Я не хочу подчинить эту воду, детектив. Я хочу понять её язык. Потому что если мы не научимся говорить с этими... сущностями... они могут решить, что мы не достойны этого мира. И тогда нам останется только слушать. И тонуть.*

Лифт мягко затормозил. Панель над дверью мигнула числом 88. Раздался тихий, мелодичный сигнал.

Виктор поправил запонки, выпрямил плечи и сделал шаг к выходу.

— *А теперь,* — бросил он, не оборачиваясь, — *пойдёмте.* Посмотрим, сможете ли вы объяснить мне, что именно вы видели там, куда мой сын так боялся возвращаться.

Впереди открывался кабинет. Пол из чёрного мрамора, стены из тонированного стекла, за которыми город лежал, как игрушечная макетная плата. А посреди, на массивном столе из цельного куска обсидиана, лежал один-единственный предмет: старая, пожелтевшая фотография. Та самая, что Марк видел в трюме своей шхуны.

Только теперь на ней стоял не он.

На ней стоял Адриан Асока.

И улыбался той самой, неестественной, нечеловеческой улыбкой.

Марк замер.

Его взгляд прилип к фотографии, как к собственному отражению в мутной воде — чужому, но пугающе знакомому. Чёрный мрамор пола под ногами вдруг показался ему зыбким, готовым провалиться. Воздух в кабинете стал густым, вязким, таким же, как та чёрная вода из его снов.

Это была та самая фотография.

Та же циклопическая архитектура на заднем плане — гигантские колонны, уходящие в небо, сложенные из камня, который не должен существовать в природе. То же чёрное море, неподвижное, как зеркало, без единой ряби. Та же неестественная, нечеловеческая улыбка на лице человека, стоящего на берегу.

Только лицо было другим.

Это был не он. Это был Адриан Асока.

— *Что это...* — голос Марка прозвучал хрипло, как скрежет металла по стеклу. — *Что это за фотография? Как она к вам попала?*

Он повернулся к Виктору, и в его глазах был не страх. Было что-то хуже. Было отчаянное, почти болезненное непонимание.

— *Я видел похожую,* — выдавил он. — *На своём корабле. В трюме. Но я не понимаю... как это вообще возможно?*

Виктор медленно подошёл к столу. Его движения были точными, выверенными, как у человека, который привык контролировать каждое движение. Он взял фотографию двумя пальцами, словно это был хрупкий, ядовитый артефакт, и протянул Марку.

— *Это не фотография,* — тихо сказал Виктор. — *По крайней мере, не в том смысле, в котором мы привыкли понимать это слово.*

Марк взял снимок. Бумага была тёплой. Не от тепла рук Виктора. Она была тёплой сама по себе, словно внутри неё бился какой-то невидимый пульс.

— *Она была найдена среди вещей Адриана,* — продолжил Виктор. — *После его смерти. В его кабинете. На столе. Лежала вот так, лицом вверх. Рядом — пустой флакон из-под чёрной воды.*

Он сделал паузу, и в этой паузе было больше, чем в любых словах.

— *Но вот что странно, детектив. Эта фотография не была сделана ни одним фотоаппаратом. Ни цифровым, ни плёночным. Мои техники прогнали её через все возможные анализаторы. Ни следов экспозиции. Ни пикселей. Ни эмульсии. Она просто... проявилась. Как будто кто-то взял кусок реальности из другого места и перенёс его сюда. На бумагу.*

Марк смотрел на фотографию, и его разум лихорадочно работал.

— *Трюм ишуны,* — выдавил он. — *Я нашёл такую же. На ней был я.*

Виктор замер. Его серые глаза сузились, и в них мелькнуло что-то — не страх, нет. Виктор Асока не боялся. Это было что-то другое. Это было понимание.

— *Значит, она не одна,* — прошептал он. — *Значит, она перенастраивается.*

— *Что?* — Марк почувствовал, как сердце начало ускорять темп а его теле.

Виктор отвернулся, глядя на город за окном. Его голос стал тише, почти задумчивым — как у человека, который наконец-то нашёл ответ на вопрос, мучивший его годами.

— *Чёрная вода,* — произнёс он. — *Она не просто показывает людям места. Она... материализует сознание. Когда человек пьёт её — или видит то место в снах — его разум настраивается на частоту того мира. И вода... вода берёт этот настрой и превращает его в физический объект. В отпечаток.*

Он повернулся к Марку, и в его глазах была ледяная, непоколебимая уверенность.

— *Фотография, детектив. Это не снимок. Это интерфейс. Материализованная мысль того, кто был в том месте. Когда Адриан пил воду в реальности — его сознание создало этот образ. Себя. На том берегу. С той улыбкой. А когда вы нашли фотографию в трюме... она перенастроилась на вас. Потому что вы тоже были там. В своих снах. Ваше сознание наложилось на её, и фотография показала вас.*

Марк посмотрел на фотографию. На улыбающегося Адриана. На циклопические руины. На чёрное, неподвижное море.

— *Но почему... почему сейчас на ней снова он?*

— Потому что вы коснулись её в реальности, — ответил Виктор. — Не в сне. Не в видении. А физически. В моём кабинете. Ваш разум... он сильнее. Он перетянул её обратно. На Адриана. Потому что Адриан пил воду в реальности, а вы — только в снах. Его отпечаток... глубже.

Он шагнул ближе.

— Скажите мне, детектив. Когда вы нашли эту фотографию в трюме... вы чувствовали что-то? Кроме страха?

Марк закрыл глаза. Он вспомнил тот момент. Холод. Тишину. И... да. Он чувствовал что-то ещё. Что-то, что он не мог назвать. Что-то, что было похоже на... «чувство дома».

— Да, — тихо сказал он. — Я чувствовал... что я был «дома».

Виктор кивнул, словно это было именно то, что он хотел услышать.

— Тогда вы понимаете, — произнёс он. — Вы понимаете, почему я не могу просто закрыть это. Почему я не могу забыть. Эти фотографии... они не просто артефакты. Они — мосты. Каждый отпечаток — это нить, которая тянется из того мира в наш. И чем больше людей пьёт воду, чем больше сознаний настраивается на ту частоту... тем больше нитей. Тем тоньше граница.

Он протянул руку к фотографии.

— А теперь, детектив, — тихо сказал он, — расскажите мне всё. Что вы видели там. Каждую деталь. Каждую тень. Каждое ощущение. Потому что, если вы были там... если вы выжили там... значит, вы знаете что-то, чего не знаю я. И это знание может спасти нам обоим жизнь.

Марк посмотрел на фотографию. На улыбающегося Адриана. И понял, что выхода нет. Никогда не было.

Он сел в кресло напротив Виктора, положил фотографию на стол между ними, и начал говорить.

Марк открыл рот, чтобы начать рассказывать, но в этот момент он заметил странную деталь.

Виктор Асока сидел напротив него, неподвижный, как статуя, но его правая рука лежала на столе. И на запястье, под идеально отглаженной манжетой рубашки, проступал узор. Тонкие, ветвящиеся линии, как коралловые рифы, как нейронные связи. Такие же, как у жертв. Такие же, как на теле Адриана.

Он тоже пил, — понял Марк с холодным ужасом. Он тоже зависим. Он не просто хочет подчинить эту воду — он боится умереть так же, как его сын.

Виктор заметил его взгляд и медленно опустил рукав, но было уже поздно. Маска треснула.

— Вы видите, — тихо сказал он, и в его голосе впервые прозвучала не холодность, а отчаяние. — Вы видите, что со мной происходит. Я пил её, детектив. Не так много, как Адриан. Но достаточно. И теперь я чувствую, как она... как она растёт внутри меня. Как она меняет меня.

Он наклонился вперёд, и его серые глаза горели лихорадочным огнём.

— Но вы... вы пили её в снах. Вы были там. И вы не изменились. Ваше тело... ваше ДНК... оно сопротивляется. Оно адаптировалось. И если я смогу понять, чем вы отличаетесь... если я смогу извлечь это из вашей крови...

Он не закончил фразу, но Марк понял. Донор. Он не гость. Он — материал.

Глава 11. Ключ между мирами

И в этот момент дверь кабинета открылась.

Вошёл не охранник. Не ассистент. Вошёл мужчина лет шестидесяти, высокий, с безупречной осанкой и лицом, которое носило следы былой красоты, но теперь было измождено чем-то большим, чем просто возраст. На нём был дорогой, но скромный костюм — не такой кричащий, как у Виктора, но не менее качественный. В его глазах не было безумия. Была только та самая, тяжёлая, непоколебимая убеждённость, которую Марк видел у фанатиков всех мастей.

За ним вошла Селена.

Марк посмотрел на неё, и вдруг всё встало на свои места. Зелёные глаза. Та же структура лица. Та же гордая осанка.

Она его дочь.

Селена взяла фамилию матери, чтобы никто не знал, что она дочь Ротвелла. Так она могла работать на Виктора изнутри — как шпион, как мост между двумя мирами.

— *Ротвелл*, — произнёс Виктор, и в его голосе не было удивления. Только усталое признание. — *Я думал, ты придёшь позже.*

— *Я передумал*, — ответил Ротвелл, и его голос был глубоким, спокойным, как голос человека, который давно принял решение и теперь просто ждал, когда оно исполнится. — *Когда Селена сказала мне, что нашла его... что он здесь... я понял, что ждать больше нельзя.*

Он подошёл к столу и посмотрел на Марка. В его взгляде не было враждебности. Было что-то на грани безумия.

— *Ты тот, кого мы ждали*, — тихо сказал Ротвелл. — *Тот, кто может войти туда и вернуться. Тот, кто может говорить с ними.*

— *С кем?* — Марк выдавил слова сквозь сжатое горло.

Ротвелл усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— *С теми, кто живёт в чёрной воде. С теми, кто был здесь до нас. Кто помнит этот мир, когда он был молодым. Кто... кто ждёт, когда мы будем готовы говорить.*

Виктор встал и подошёл к окну, глядя на город внизу.

— *Я не верил в это*, — тихо сказал он. — *Я верил в науку. В цифры. В то, что можно измерить и контролировать. Но когда Адриан умер... когда я увидел его тело... я понял, что мы не контролируем ничего. Что мы просто... гости. И что есть хозяева, которые терпели нас достаточно долго.*

Он повернулся к Марку, и в его глазах были слёзы.

— *Ротвелл позвонил мне, как узнал о смерти Адриана. Он сказал, что знал. Что он видел это десятилетия назад. Что он пытался предупредить нас. И я... я был так пуст, так разрушен, что я готов был поверить во что угодно. Лишь бы это имело смысл. Лишь бы смерть Адриана не была просто... случайностью.*

Ротвелл положил руку на плечо Виктора, и в этом жесте была странная, почти отцовская нежность.

— *Мы не враги, детектив*, — сказал он. — *Мы... союзники. Виктор хочет понять, как ваше тело сопротивляется. Я хочу понять, как вы можете говорить с ними. Потому что, если мы сможем... если мы сможем договориться... может быть, мы сможем спасти этот мир. От них. От себя. От того, что приближается.*

Селена шагнула вперед, и в её зелёных глазах был тот же огонь убежденности, что и у отца.

— *Марк*, — тихо сказала она. — *Я привела тебя сюда не для того, чтобы предать. Я привела тебя сюда, потому что ты — единственный шанс. Джаред пьет воду и ходит с ума. Адриан пил и как итог погиб. Виктор пьет и меняется. Но ты... ты был там, и ты вернулся. Ты не сломался.*

Она сделала еще шаг.

— *Пожалуйста. Помогите нам. Помогите нам понять, что там. Помогите нам договориться. Потому что, если мы не сделаем этого... они придут сами. И тогда нам уже не поможет никакое ДНК.*

Марк смотрел на них — на Виктора с узором на запястье, на Ротвелла с его непоколебимой верой, на Селену с её отчаянной надеждой. И он понимал: выхода нет. Никогда не было.

Он был не детективом. Он был не жертвой. Он был ключом.

И дверь уже начинала открываться.

Марк слушал их, и с каждым словом понимал: выхода нет. Не потому что дверь заперта. Не потому что их трое, а он один. А потому что они верили. В эту чёрную воду. В этих «древних», что живут в ней. В то, что он — избранный, ключ, мост между мирами.

И эта вера была страшнее любого оружия.

Потому что фанатик не остановится ни перед чем. Он сожжёт мир, чтобы спасти его. Он убьёт тебя, чтобы спасти твою душу.

Марк посмотрел на Виктора — на узор, который проступал под его кожей, как живые вены. На Ротвелла — на его непоколебимую, холодную убеждённость. На Селену — на её зелёные глаза, в которых горел тот же огонь, что и у отца.

Если я соглашусь, — подумал он, я стану их инструментом. Они будут резать меня. Забирать кровь. Изучать мой разум. Они будут поить меня этой водой, чтобы я «говорил» с ними. И в конце концов я стану таким же, как Виктор. Как Адриан. Как те рабочие десять лет назад.

Или я умру.

И в этот момент Марк принял решение. Не потому что был храбрым. А потому что понимал: лучше смерть, чем это. Лучше упасть в чёрную воду и утонуть, чем стать марионеткой в их безумной игре.

Он медленно встал из кресла.

— *Мне нужно подумать, —* сказал он, и его голос прозвучал ровно, слишком ровно. — *Вы говорите, что я — ключ. Что я могу говорить с ними. Но я не готов. Мне нужно время.*

Ротвелл нахмурился.

— *Времени нет, детектив. Они приближаются. Мы чувствуем это. Каждый день вода поднимается. Каждый день больше людей теряют сознание. Если мы не договоримся сейчас...*

— *Мне нужен один день, —* перебил его Марк, делая шаг к двери. — *Один день, чтобы подготовиться. Чтобы понять, что вы хотите от меня.*

Он сделал ещё шаг. И ещё.

Селена шагнула ему навстречу, блокируя выход.

— *Марк, пожалуйста, —* тихо сказала она. — *Не делай глупостей. Ты не понимаешь, что будет, если ты откажешься.*

— *Я понимаю, —* Марк остановился в шаге от неё. — *Я стану вашим подопытным. Вы будете резать меня, пока не получите то, что хотите. А когда я сломаюсь... вы выбросите меня, как сломанную игрушку.*

Его рука скользнула в карман, нащупывая телефон. *Кира. Я должен позвонить Кире. Я должен...*

— *Мне жаль, детектив, —* раздался голос Ротвелла. Тихий. Спокойный. — *Но вы не понимаете. Вы уже не можете уйти. Вы часть этого теперь.*

Марк повернулся.

Ротвелл достал из кармана маленький флакон. Тёмное стекло. Внутри — чёрная жидкость, которая двигалась сама по себе, как живая. Как та, что была в его снах. Как та, что заполнила лёгкие Адриана.

— *Вы думаете, мы отпустим вас?* — продолжил Ротвелл, делая шаг вперёд. — *Вы думали, что можете прийти в наш мир, и уйти, когда захотите? Вы прикоснулись к бездне, детектив. И бездна не отпускает тех, кто прикоснулся к ней.*

Селена стояла неподвижно, её лицо было бледным, но решительным. Она не двигалась, чтобы остановить Марка, но и не пропускала его.

— *Я не позволю вам использовать меня,* — сказал Марк, и его голос прозвучал твёрдо, несмотря на то, что в кровь уже выкинулась большая порция адреналина. — *Я не ваш инструмент. Я не ваш мост. Я — человек. И я уйду.*

Он рванул к двери.

Но Ротвелл был быстрее.

Он не ударил Марка. Он просто... пшикнул. Один раз. Из флакона. И крошечная капля чёрной жидкости полетела в воздух, сияя в свете панорамных окон, как чёрная жемчужина.

Марк попытался уклониться, но было поздно.

Капля попала ему в лицо.

И мир взорвался.

Не болью. Не огнём. А знанием. Внезапным, ошеломляющим, всепоглощающим. Он увидел. Не глазами — разумом. Он увидел чёрную воду, поднимающуюся из глубин. Увидел циклопические города, которые ждали под поверхностью. Увидел *их* — тех, кто жил в воде, кто помнил этот мир, когда он был молодым. И они смотрели на него. Ждали. Звали.

Его колени подогнулись. Он упал на пол, чувствуя, как чёрная жидкость просачивается под кожу, в вены, в кровь. Как она растекается по телу, холодная, вязкая, живая.

— *Нет,* — прошептал он, но голос не слушался. — *Нет...*

Ротвелл подошёл ближе и опустил на корточки перед ним.

— *Теперь вы готовы,* — тихо сказал он. — *Теперь вы понимаете.*

И Марк понял. С ужасающей, абсолютной ясностью.

Он больше не мог уйти.

Потому что бездна уже была внутри него.

Глава 12. Цена выбора

— *Что вы хотите, чтобы я сделал?* — прошептал Марк, и его голос прозвучал так тихо, что он сам едва его услышал.

Он сидел на холодном полу кабинета на восемьдесят восьмом этаже, чувствуя, как чёрная жидкость растекается под кожей, как живые вены, которые прорастают в его плоти. Мир вокруг него плыл, расплывался, складывался в какие-то неправильные, неевклидовы узоры. Углы кабинета казались слишком острыми, стены — слишком далёкими, а потолок — бесконечно высоким, уходящим в чёрную бездну.

Ещё не так давно, подумал он, и эта мысль была горькой, как желчь. *Ещё не так давно у меня была жизнь. Обычная, серая, но моя. Я просыпался в своей квартире. Пил дешёвый кофе. Ездил на работу на метро. Расследовал убийства бродяг и наркоманов. Возвращался домой к Кире, которая ворчала, что я опять забыл вынести мусор.*

А теперь я — игрушка. Игрушка в руках богачей, которые решили, что могут контролировать то, что не поддаётся контролю. Я — подопытный кролик. Мост между мирами. Ключ к двери, которую не следовало открывать.

Он чувствовал себя униженным так, как никогда в жизни. Даже в Нижнем городе, в самые тёмные ночи, когда выбивал показания из убийц — он был человечнее. Он был детективом. Он был на стороне закона, порядка, справедливости.

А теперь он был ничем. Пустым сосудом, который они наполняют чёрной водой и отправят говорить с древними богами.

Ротвелл смотрел на него сверху вниз, и в его глазах не было жалости. Только та самая, холодная, непоколебимая убеждённость фанатика.

— *Вы хотите знать, что мы хотим?* — тихо спросил он. — *Мы хотим, чтобы вы открыли дверь.*

Марк поднял на него взгляд, и его глаза были спокойными — спокойнее, чем должны быть глаза человека, стоящего на краю.

— *Дверь?* — повторил он, и его голос прозвучал хрипло. — *Какую дверь?*

— *Ту, которая уже приоткрыта,* — ответил Ротвелл, опускаясь на корточки перед ним. — *Ту, через которую ваш сон проникает в реальность. Ту, через которую эта жидкость попадает в наш мир. Мы хотим, чтобы вы вошли туда. Полностью. Не во сне. Не в видении. А физически. И чтобы вы привели их сюда.*

Виктор стоял у окна, его силуэт был тёмным на фоне сияющего города.

— *Мы хотим, чтобы вы стали проводником,* — сказал он, не поворачиваясь. — *Мостом между мирами. Вы уже были там. Вы уже касались их. Вы понимаете их язык. И если вы откроете дверь полностью... если вы позволите им войти...*

Он повернулся, и в его серых глазах был не гнев. Не скорбь. А надежда. Та самая, страшная, отчаянная надежда человека, который готов на всё, лишь бы смерть его сына имела смысл.

— *Мы сможем говорить с ними,* — продолжил Виктор. — *Мы сможем договориться. Мы сможем понять, чего они хотят.*

Селена шагнула вперёд.

— *Марк,* — тихо сказала она. — *Ты не понимаешь. Это не конец. Это начало. Ты можешь стать... чем-то большим. Ты можешь быть тем, кто спасёт нас всех.*

Марк смотрел на них — на Виктора с узором на запястье, на Ротвелла с его непоколебимой верой, на Селену с её отчаянной надеждой. И он понимал: они не видят его. Они видят не человека. Они видят функцию. Ключ. Инструмент. Жертву.

— *А если я откажусь?* — спросил он, и его голос прозвучал ровно, слишком ровно. — *Если я скажу «нет»?*

Ротвелл усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— *Вы не можете отказаться, детектив,* — тихо сказал он. — *Вы уже прикоснулись к бездне. Вы уже пили эту воду в своих снах. Вы уже часть этого. И если вы не откроете дверь добровольно... мы найдём способ открыть её через вас. Принудительно.*

Он достал из кармана ещё один флакон. Тёмное стекло. Чёрная жидкость внутри.

— *Мы можем колоть вам это, пока вы не сломаетесь. Пока ваше тело не начнёт меняться. Пока вы не станете таким же, как Виктор. И тогда вы откроете дверь. Не потому что захотите. А потому что не сможете иначе.*

Марк закрыл глаза.

Он чувствовал, как чёрная жидкость в его теле пульсирует, как живое сердце. Он чувствовал, как она шепчет ему. Не словами. Ощущениями. Образами. Он видел чёрное море. Циклопические руины. Тени, которые нарушают законы физики. И он чувствовал... зов.

Они звали его. Те, кто жил в воде. Те, кто помнил этот мир, когда он был молодым. Они звали его войти. Полностью. Безвозвратно.

— *У меня нет выбора,* — тихо сказал он, открывая глаза.

— *Нет,* — кивнул Ротвелл. — *У вас его никогда не было.*

И в этот момент Марк понял: он умрёт здесь. Не сразу. Не быстро. Но он умрёт. Они будут изучать его кровь, будут использовать его разум, пока он не сломается. Пока он не станет пустым сосудом, который они наполняют чёрной водой и отправят говорить с древними богами.

И когда это случится... когда он откроет дверь...

Мир закончится.

Не взрывом. Не войной. Не эпидемией. А с чёрной водой, которая поднимется из глубин и поглотит всё. Верхний город. Нижний город. Всех.

И он, Марк, детектив из Нижнего города, будет тем, кто это сделал.

Он усмехнулся, и в этой усмешке было столько горечи, что она могла бы растворить сталь.
— *Хорошо*, — сказал он. — *Я помогу вам.*

Виктор, Ротвелл и Селена переглянулись. В их глазах мелькнула надежда. Торжество. Но Марк не смотрел на них. Он смотрел в окно, на город внизу, на сияющие шпили Верхнего города, на серую массу Нижнего города. И он думал:

Я помогу вам. Но не так, как вы хотите.

Я открою дверь. Но я войду туда сам. И я найду способ закрыть её. Навсегда.

Даже если мне придётся умереть, чтобы сделать это.

Даже если мне придётся стать одним из них.

— *Тогда не будем медлить*, — произнёс Ротвелл, и в его голосе зазвенели нотки нетерпения, которых Марк раньше не слышал. — *Мои люди подготовят всё.*

Он достал телефон — старый, с кнопочной клавиатурой, не современный гаджет, а что-то из другой эпохи. Набрал короткий номер.

— *Мы спускаемся*, — сказал он в трубку. — *Готовьте его. И подготовьте... образец.*

Он не уточнил, какой именно образец. Но Марк понял. Его образец. Кровь. ДНК. То, что отличало его от других. То, что позволяло ему выживать там, где другие тонули.

Ротвелл убрал телефон и кивнул Виктору.

— *Едем.*

Спуск был долгим и унижительным.

Сначала — частный лифт Виктора, который пронёс их сквозь восемьдесят восемь этажей сияющего Верхнего города, словно стрела, выпущенная в землю. Потом — переход через плазменный барьер, который на этот раз не мерцал приветственно, а гудел низко, как предупреждение. Затем — общественный лифт, который тащил их вниз, в Нижний город, останавливаясь на каждом уровне, подбирая сгорбленных, молчаливых людей, которые не смотрели друг на друга.

А потом — ещё один спуск. Глубже Нижнего города. Глубже уровней, куда заходили только отчаянные и потерянные. Глубже канализационных коллекторов и заброшенных шахт.

В самый низ.

Лифт, в котором они ехали теперь, был старым, ржавым, с решётчатыми дверцами и тусклой лампочкой, которая мигала, как сердце, готовое остановиться. Воздух здесь был густым, влажным, пахнувшим ржавчиной, сыростью и чем-то ещё — чем-то сладковатым, почти тошнотворным. Тем самым запахом, который Марк узнал бы из тысячи.

Медь. Гниль. Озон.

Лифт остановился с глухим скрежетом. Двери раскрылись.

И Марк увидел это.

Они стояли на платформе, вырубленной в скальной породе. Впереди, в тусклом свете редких ламп, виднелось огромное сооружение. Бетонные стены, толщиной в несколько метров, уходили ввысь, теряясь в темноте. Трубы, толстые, как стволы деревьев, переплетались, как вены гигантского, мёртвого существа. На стене, над массивными стальными дверьми, выцветшими, но ещё читаемыми буквами было выведено:

ОТКАЧИВАЮЩАЯ СТАНЦИЯ №7 — КОРПОРАЦИЯ «АСОКА»

Это было то самое место, понял Марк с холодным ужасом. То самое, где десять лет назад рабочие впервые заметили чёрные сгустки в воде. Где всё началось.

Ротвелл шагнул вперёд, и массивные двери раскрылись перед ним, как пасть.

Глава 13. Колыбель нового мира

Внутри было... не то, чего ожидал Марк.

Это была не лаборатория в привычном смысле. Не стерильные белые стены, не микроскопы и пробирки. Это было нечто среднее между научным центром и... храмом. Или, может быть, склепом.

Потолок терялся в темноте, но было видно, что он расписан. Не фресками — нет. Формулами. Уравнениями. Графиками. Всё это было написано от руки, чёрной краской, которая, как понял Марк с тошнотворным осознанием, была... той самой жидкостью. Чёрной водой. Она высохла, но всё ещё поблёскивала, как нефтяная плёнка.

По стенам, от пола до потолка, тянулись лозунги. Написанные тем же чёрным веществом, разными почерками, разными руками, но с одной и той же одержимой, фанатичной энергией:

«ВОДА ПОМНИТ»

«ЧЕРЕЗ ПОГРУЖЕНИЕ — К ИСТИНЕ»

«ОНИ ЖДУТ НА ДНЕ»

«МЫ — НЕ ПЕРВЫЕ. МЫ — НЕ ПОСЛЕДНИЕ»

«ДВЕРЬ ОТКРОЕТСЯ. ВОПРОС — КТО ВОЙДЁТ ПЕРВЫМ»

Между лозунгами висели символы. Не оккультные пентаграммы, не кресты. Что-то другое. Спиральные узоры, напоминающие раковины наутилусов. Круги, вписанные в круги. Волны, которые складывались в лица — или, может быть, лица, которые складывались в волны. И везде, повторяясь снова и снова, один и тот же мотив: глаз в центре спирали. Глаз, который смотрел. Который ждал.

Марк почувствовал, как его желудок сжался.

Но хуже всего было другое.

В центре зала, занимавшего, казалось, несколько футбольных полей, возвышался резервуар. Огромный, цилиндрический, из толстого, мутного стекла, укрепленного стальными обручами. Он поднимался от пола до самого потолка, и внутри него...

Внутри него была чёрная вода.

Та самая. Густая, маслянистая, неподвижная. Она не плескалась, не двигалась. Она просто была. Как живое существо, которое затаило дыхание.

И в ней что-то плавало.

Марк прищурился, пытаясь разглядеть сквозь мутное стекло. И когда он увидел... когда он понял, что именно там...

Его колени подогнулись.

Это были люди.

Или то, что от них осталось.

Десятки тел, парящих в чёрной жиже, как медузы в океане. Некоторые были ещё узнаваемы — человеческие формы, руки, ноги, лица. Но другие... другие уже изменились. Их конечности удлиннились, раздвоились, превратились в длинные полупрозрачные пальцы или то что от них осталось. Их лица растянулись в неестественные, застывшие улыбки. Их кожа стала полупрозрачной, и под ней проступали те самые узоры — ветвящиеся, кораллоподобные, как нейронные связи.

Они не были мертвы.

Марк видел это с ужасающей, абсолютной ясностью. Они дышали. Медленно, ритмично, как существа, которые давно забыли, что значит быть человеком. Их грудные клетки поднимались и опускались. Их пальцы шевелились. И их глаза...

Их глаза были открыты.

И они смотрели на него.

— *Добро пожаловать в мой обитель*, — тихо произнёс Ротвелл, встав рядом с ним, — *в колыбель нового мира.*

Марк не мог отвести взгляд. Одно из существ — женщина, когда-то, возможно, молодая, теперь с удлинёнными, нечеловеческими чертами лица — медленно повернуло голову в его сторону. Её губы шевельнулись. Без звука. Но Марк понял, что она сказала.

Ты вернулся.

— *Это...* — его голос прозвучал, как скрежет металла по стеклу. — *Это те рабочие? Те, что пили воду десять лет назад?*

— *Некоторые из них,* — кивнул Ротвелл. — *Другие... другие пришли позже. Добровольцы. Искатели. Те, кто хотел увидеть больше, чем позволяет этот мир. Они пили. Они входили. И они... остались.*

Он положил руку на стекло резервуара, и Марк заметил, как его пальцы оставляли на нём следы, которые тут же покрывались тонкой, чёрной плёнкой, словно стекло узнавало его.

— *Они — не жертвы,* — продолжил Ротвелл, и в его голосе прозвучала та самая, непоколебимая убеждённость фанатика. — *Они — первопроходцы. Они — мост. И скоро, детектив... скоро вы станете таким же.*

Ротвелл провёл рукой по воздуху, словно дирижёр, готовящийся начать симфонию.

— *Пойдёмте,* — сказал он, и в его голосе прозвучала гордость. — *Я покажу вам, чего мы достигли.*

Он повёл Марка вдоль резервуара, и Виктор, и Селена последовали за ними. Марк шёл механически, его разум отказывался принимать увиденное, но глаза продолжали смотреть, впитывать, запоминать.

Ротвелл остановился перед массивным столом, заваленным бумагами, графиками, образцами. Здесь стояли микроскопы, спектрометры, центрифуги — всё самое современное оборудование, которое только можно было купить за деньги. Но рядом с ним лежали странные предметы: старые книги с пожелтевшими страницами, ритуальные ножи, чаши с чёрной жидкостью, которая медленно вращалась сама по себе.

— *Мы начали с анализа,* — сказал Ротвелл, беря в руки планшет с графиками. — *Когда Виктор позвонил мне после смерти Адриана... когда он рассказал о том, что видел его сын в своих снах... я понял, что мы стоим на пороге чего-то большего, чем просто химическая аномалия.*

Он показал Марку график — сложную кривую, которая поднималась, падала, снова поднималась.

— *Это — частота вибрации чёрной воды,* — объяснил он. — *Она не статична. Она резонирует. И эта резонансная частота... она совпадает с частотой определённых нейронных паттернов в человеческом мозге. Понимаете? Эта вода не просто меняет тело. Она настраивает разум. Как радио на определённую волну.*

Марк смотрел на график, и его детективное чутьё, даже в этом состоянии ужаса, работало.

— *И вы выяснили, на какую волну?*

Ротвелл усмехнулся.

— *Мы выяснили гораздо больше.*

Он подошёл к стене, где висели большие фотографии — не людей в резервуаре, а мест. Руины под водой. Города из чёрного камня. Небо другого цвета — не голубое, не серое, а чёрное, с фиолетовыми прожилками.

— *Это — то, что видят те, кто пьёт воду,* — сказал Ротвелл. — *Но не все видят одно и то же. У каждого — своё видение. Своё место. Свой "уровень".*

Он указал на фотографию с руинами.

— *Уровень первый — это то, что видят большинство. Разрушенные города. Пустота. Ощущение, что ты один. Это — вход. Преддверие.*

Он перешёл к следующей фотографии — *город, но уже не разрушенный. Живой. С существами, которые двигались по улицам. Высокими, тонкими, с лицами, которые было больно смотреть.*

— *Уровень второй — это то, что видели те, кто пил больше. Кто не боялся. Кто хотел увидеть. Они видели их. Тех, кто живёт в воде. Тех, кто построил эти города. Тех, кто ждёт.*

— *А третий уровень?* — спросил он, хотя уже боялся ответа.

Ротвелл посмотрел на него, и в его глазах был тот самый огонь фанатика.

— *Третий уровень...* — тихо сказал он. — *Третий уровень видели только двое. Адриан... и вы.*

Марк замер.

— *Я?* — прошептал он. — *Но я... я не помню...*

— *Вы не помните, потому что ваш разум защитил вас,* — кивнул Ротвелл. — *Но ваше подсознание помнит. Ваши сны... они не случайны. Они — воспоминания. Вы были там. На третьем уровне. Вы видели их лицом к лицу. И вы вернулись.*

Он повернулся к резервуару, к людям, плавающим в чёрной жиже.

— *И вот что мы поняли,* — продолжил он. — *Эти люди... они не просто "изменились". Они застряли. Они вошли слишком глубоко, но не смогли вернуться. Их тела здесь, в этом резервуаре. Но их разум... их сознание... оно там. На третьем уровне. Они контактируют с ними. Постоянно. Без перерыва.*

Он подошёл к стеклу и постучал по нему костяшками пальцев. Одно из существ — мужчина с удлинёнными конечностями и лицом, которое давно перестало быть человеческим, — медленно повернуло голову в его сторону.

— *Это — доктор Эллиот,* — сказал Ротвелл. — *Бывший нейробиолог. Один из первых, кто понял, что эта вода — не просто химия. Он пил её добровольно. Он хотел понять механизм. И он понял. Теперь он... он говорит с ними. Каждый день. Каждый час. Он передаёт нам информацию. Образы. Звуки. Ощущения.*

Ротвелл достал из кармана маленький диктофон и нажал кнопку.

Из динамика полился звук. Не слова. Не язык. Что-то другое. Низкое, вибрирующее гудение, которое казалось не звуком, а ощущением. Оно заполняло комнату, проникало под кожу, в кости, в мозг. Марк почувствовал, как его разум начинает... расширяться. Как будто границы его сознания размываются, и он начинает видеть что-то за пределами обычного восприятия.

— *Хватит,* — сказал Виктор, и его голос прозвучал резко. — *Ты пугаешь его.*

Ротвелл усмехнулся и выключил диктофон.

— *Простите,* — сказал он, но в его голосе не было раскаяния. — *Я просто хотел показать вам, насколько далеко мы зашли. Мы не просто изучаем эту воду. Мы учимся у них. Мы понимаем их язык. Мы начинаем понимать, чего они хотят.*

Он повернулся к Марку.

— *И вот здесь входите вы, детектив. Вы — единственный, кто был на третьем уровне и вернулся. Вы — мост. Вы — переводчик. И если вы сможете нам... если вы откроете дверь полностью... мы сможем говорить с ними напрямую. Без посредников. Без этих...* — он кивнул на резервуар, — *...застрявших.*

Ротвелл повернулся к столу, где стояли колбы, мензурки, шприцы. Его движения были точными, выверенными, как у хирурга, готовящегося к операции.

— *Слушайте внимательно, детектив,* — сказал он, не поднимая глаз, — *потому что я не повторяю это дважды.*

Он взял колбу с прозрачной жидкостью и начал капать в неё что-то из маленького флакона — капли были чёрными, как смола, и они не растворялись, а всасывались в жидкость, как живые существа.

— *Когда вы войдёте туда,* — продолжил Ротвелл, — *вы не будете просто наблюдать. Вы будете присутствовать. Ваше сознание переместится на третий уровень. Но помните: там нет времени. Нет пространства в привычном смысле. Есть только намерение.*

Он поднял шприц и начал набирать в него получившийся раствор. Жидкость внутри была чёрной, но со странным, перламутровым отливом, как нефтяная плёнка на воде.

— *Вы должны найти их,* — сказал Ротвелл, поворачиваясь к Марку. — *Тех, кто живёт в воде. Тех, кто построил города. Тех, кто ждёт. И вы должны донести до них одно: мы готовы. Мы понимаем. Мы хотим учиться. Мы хотим служить.*

Марк смотрел на шприц, и его желудок сжался.

— *Служить?* — повторил он, и в его голосе прозвучала горечь.

Ротвелл усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— *Не в рабском смысле, детектив. В смысле... партнёрства. Они старше нас. Они мудрее. Они помнят этот мир, когда он был молодым. И если мы сможем показать им, что мы... достойны... что мы можем быть полезны... они не уничтожат нас. Они примут нас.*

Он шагнул ближе, и в его глазах горел тот самый огонь фанатика.

— *Вы должны сказать им, что мы понимаем их язык. Что мы можем быть мостом. Что мы можем помочь им... вернуться. Не полностью. Не сейчас. Но постепенно. Шаг за шагом. И когда они вернутся... мы будем готовы. Мы будем ждать. Мы будем служить.*

Он поднял шприц, и игла блеснула в тусклом свете.

— *Но помните,* — добавил он, и его голос стал тише, почти шёпотом. — *Они не говорят словами. Они говорят... образами. Ощущениями. Намерениями. Если вы попытаетесь говорить с ними, как с людьми... вы потеряетесь. Вы должны чувствовать их. Вы должны быть на их волне.*

Марк смотрел на шприц, и его разум лихорадочно работал.

— *А как я вернусь?* — спросил он. — *Как я найду дорогу обратно?*

Ротвелл кивнул, словно ожидал этого вопроса.

— *Хороший вопрос,* — сказал он. — *И вот что важно: вы не можете просто «выйти». Вы должны быть вытянуты. Ваше тело здесь, в этом мире, будет якорем. Мы будем следить за вами. За вашими показателями. За вашим разумом. И когда мы увидим, что вы начинаете... теряться... мы вытащим вас обратно.*

Он показал на оборудование вокруг — мониторы, датчики, провода, которые свисали с потолка, как щупальца.

— *Но есть одно условие,* — продолжил он. — *Вы должны оставить что-то здесь. Часть себя. Чтобы было за что тянуть. Чтобы ваше сознание не ушло полностью.*

— *Что именно?* — спросил Марк, чувствуя, как холод прокатывается по его спине.

Ротвелл посмотрел на него, и в его глазах было что-то похожее на жалость.

— *Воспоминание,* — тихо сказал он. — *Одно. Самое важное. Самое яркое. То, что делает вас... вами. Вы должны отдать его воде. И оно останется здесь, как якорь. А вы... вы войдёте туда, зная, что есть что-то, что тянет вас обратно.*

Глава 14. Якорь

Марк закрыл глаза.

Воспоминание. Они хотели, чтобы он отдал им воспоминание. Самое важное. Самое яркое.

И оно пришло само собой, яркое, как вспышка молнии в темноте.

Ему было двадцать два. Первый год в полиции. Первое серьёзное дело — самоубийство подростка в Нижнем городе. Он стоял у края крыши, где тот прыгнул, и смотрел вниз, на бетон, который уже отмыли, но следы которого, казалось, навсегда въелись в его мозг. Дождь лил стеной, холодный, пронизывающий, и Марк не чувствовал его. Он просто стоял, промокший насквозь, и думал о том, что выбрал не ту профессию. Что он не создан для этого. Что мир слишком жесток, слишком несправедлив, и он не знает, как с этим жить.

И тут она появилась.

Не героически. Не с пафосом. Просто шла по улице под зонтом — ярко-жёлтым, нелепо ярким для этого серого, дождливого дня. Увидела его стоящего там, как идиота, под ливнем, и остановилась.

— *Эй!* — крикнула она сквозь шум дождя. — *Ты что, хочешь простудиться или просто любишь страдать публично?*

Он повернулся и увидел её. Мокрые волосы, прилипшие к щекам. Яркий жёлтый зонт, который делал её похожей на пятно солнца на асфальте. И глаза — зелёные, живые, с искорками, которые не могли погасить ни дождь, ни этот проклятый город.

— *Я..* — начал он, но не знал, что сказать. Что он думает о самоубийстве? Что он чувствует себя виноватым, что не смог предотвратить? Что он хочет бросить всё и уехать куда-нибудь, где нет бетона и крови?

Она подошла ближе, захлопнула зонт и встала рядом с ним под ливнем, словно это было самым нормальным делом в мире.

— *Первое дело?* — спросила она тихо.

Он кивнул, не в силах говорить.

— *Тяжело, да?* — она посмотрела вниз, на место, где всё случилось. — *Я знаю. У меня тоже было первое. Парень, который повесился в собственном гараже. Его жена нашла его. И знаешь, что я подумала тогда?*

Он покачал головой.

— *Я подумала, что не смогу. Что это слишком. Что я не создана для этого мира.*

Она повернулась к нему, и в её глазах не было жалости. Была та самая, почти пугающая ясность — как если бы она заглянула ему в голову и увидела там всё то же, что носила в своей.

— *Но потом я поняла,* — продолжила она. — *Мы не для того здесь, чтобы спасти всех. Мы здесь, чтобы быть рядом с теми, кого не смогли спасти. Чтобы помнить их. Чтобы их смерть не была совсем напрасной.*

Она протянула ему руку — маленькую, тёплую, живую.

— *Я Кира,* — сказала она. — *Криминалистика. Только что закончила академию. А ты?*

Он посмотрел на её руку. На капли дождя, которые стекали по её пальцам. На жёлтый зонт, который она сжимала в другой руке. И на неё саму — на эту девушку, которая стояла с ним под ливнем, промокшая насквозь, и не уходила.

— *Марк,* — сказал он, беря её руку. — *Детектив. Также только что закончил.*

И когда их пальцы сомкнулись — её, маленькая, тёплая, живая; его, мокрая, холодная, дрожащая от дождя и усталости — что-то щёлкнуло.

Не громко. Не заметно для посторонних. Но он почувствовал. Как если бы где-то очень глубоко, в той части его существа, которая ещё не знала, что такое любовь, но уже знала, что такое одиночество, зажётся маленький, тёплый огонёк.

Он тогда не обратил внимания. Свалил на дождь, на усталость, на шок от первого дела. Но огонёк остался. И горел все эти годы — тихо, незаметно, согревая его в самые тёмные ночи, когда он возвращался домой с мест преступлений и не мог уснуть.

Это был его якорь. Не воспоминание о дожде. Не воспоминание о её словах. А воспоминание об этом щелчке. О том моменте, когда два одиночества впервые соприкоснулись и поняли, что они больше не одиноки.

И сейчас, лежа на металлическом столе в подвале откачивающей станции, с иглой в вене и чёрной жидкостью, которая уже начинала растекаться по венам, Марк понял: именно это воспоминание он должен отдать воде. Именно оно было тем, что делало его — им.

Она усмехнулась, и в этой усмешке было что-то, что заставило его сердце пропустить удар.

— *Ну что ж, детектив Марк,* — сказала она. — *Добро пожаловать в ад. По крайней мере, теперь ты не один.*

И они стояли там, под ливнем, два молодых, напуганных, потерянных человека, которые только что начали свою войну с этим миром. И впервые за весь день Марк почувствовал, что может дышать.

Это было его воспоминание. Его якорь.

И они хотели, чтобы он отдал его.

— *Я понимаю,* — тихо сказал он, открывая глаза.

Ротвелл кивнул и подошёл ближе.

— *Тогда давайте начнём,*

Ротвелл начал прикреплять датчики — к вискам, к запястьям, к груди. Провода тянулись к мониторам, которые начинали пищать, показывая пульс, давление, активность мозга.

— *Раствор начнёт действовать через тридцать секунд,* — сказал Ротвелл, — *Сначала вы почувствуете холод. Потом — тяжесть. Потом... потом вы начнёте видеть. Но не паникуйте. Это нормально. Это значит, что вы входите.*

Марк почувствовал, как холодная жидкость растекается по руке, к плечу, к сердцу.

— *И помните,* — добавил Ротвелл, отступая на шаг. — *Не сопротивляйтесь. Не пытайтесь контролировать. Просто... плывите. Позвольте воде нести вас. И когда вы увидите их... когда вы почувствуете их присутствие... говорите. Скажите им, что мы готовы. Что мы ждём. Что мы служим.*

Марк смотрел на потолок, и мир вокруг него начинал плыть.

Я скажу им, — подумал он. *Я скажу им всё. Но не то, что вы хотите, чтобы я сказал.*

Я скажу им, что вы безумны. Что вы думаете, что можете контролировать прилив.

Что вы думаете, что можете договориться с цунами.

И я попрошу их... не приходить. Не сейчас. Не через меня.

Потому что, если они придут... они не остановятся. Они поглотят всё. И Верхний город. И Нижний город. Всех.

Включая вас.

Его веки стали тяжёлыми. Мониторы начали пищать чаще. И в последний момент, перед тем как сознание погасло, он услышал голос Ротвелла:

— *Плывите, детектив. Плывите к ним. И скажите... скажите, что мы готовы.*

И темнота сомкнулась над ним.

Глава 15. Город, который растёт

Сознание возвращалось не сразу. Оно собиралось по кусочкам, как разбитая ваза, которую кто-то пытался склеить в темноте. Сначала — запах. Медь. Гниль. Озон. Тот самый, знакомый до тошноты. Потом — ощущение. Холодная, мокрая древесина под спиной. Качка. Скрип маты.

Марк открыл глаза.

Он лежал на палубе шхуны. Той самой. Маленькой, жалкой, с рваными парусами и покосившимися мачтами. Чёрное море вокруг было неподвижным, как зеркало, без единой ряби. Небо — чёрное, с фиолетовыми прожилками, как вены на теле мертвеца.

Я здесь, — подумал он, и эта мысль была странной, отстранённой. Я снова здесь. В том самом месте, откуда исчез в прошлый раз.

Он сел, чувствуя, как тело ноет, словно его долго били. Одежда была той же — мокрый костюм, который он надел для «Элизиума», теперь висел на нём тряпкой. В кармане нащупал что-то твёрдое — фотографию. Ту самую. С циклопическими руинами и улыбающимся Адрианом.

Он достал её и посмотрел. Бумага была тёплой, а изображение на ней медленно плыло, словно проявляясь в химическом растворе. Лицо перестало быть Адрианом. Перестало быть им самим. Вместо них проступало нечто иное: вытянутые, почти неестественные черты, тёмные провалы вместо глаз, и та самая, растянутая улыбка, от которой становилось не по себе.

Марк хотел убрать фото, но не мог. Потому что в этих искажённых линиях угадывался его собственный профиль. Угол скулы. Излом брови. Та самая кривоватая складка у губ, которую Кира когда-то называла «его фирменной ухмылкой». Только теперь она была длиннее. Тяжелее. Как если бы кто-то взял его лицо и медленно, по миллиметру, вытянул его в новую форму.

Бездна не пугала его монстрами. Она показывала ему зеркало. *Если ты не остановишься, шептало отражение, вода заберёт тебя. Она переделает тебя. Ты станешь ними.*

Он сглотнул. Страх был холодным, но под ним уже шевелилось что-то иное. Привычка цепляться за факты. Он вспомнил Адриана. Вспомнил рабочих десятилетней давности. Вспомнил тех, кто лежал в резервуаре на станции №7. Все они видели одно и то же. Все шли по одной дороге. Значит, это не личный приговор. Не предупреждение только для него. *Это... паттерн.*

И тогда мысль, тяжёлая и необратимая, сложилась сама собой, как последний кусок пазла, который вдруг встал на место. *А что если вода не ломает? А что если она... адаптирует? Старый мир умирает. Они отравили океан, выжгли небо, превратили землю в бетонную рану. И бездна не хочет их уничтожить. Она предлагает выход. Переплавать.*

Это не конец, пронеслось в голове, и эта мысль была одновременно чудовищной и пугающе логичной. Это гибель старого мира. И эра нового. Такого, как они. Мы не встретим их. Мы станем ими.

Он медленно убрал фотографию в карман. Руки больше не дрожали. Внутри разливалась свинцовая ясность. *Это не древние сущности. Не наказание. Не пришельцы. Это эволюция, которую человечество запустило само, выпустив чёрную воду в океан. Дверь уже приоткрыта. Осталось только понять: войдут они в неё осознанно, или их затащат внутрь.*

Он сунул фотографию обратно в карман и поднялся на ноги. Палуба качнулась под ним, и он ухватился за леерное ограждение.

И тогда он увидел её.

Гора.

Она появилась из ниоткуда. Ещё минуту назад, когда он лежал на палубе, её не было. Горизонт был плоским, пустым, бесконечным. А теперь... теперь перед ним возвышалась она.

Это была не гора в привычном смысле. Это было нечто, что притворялось горой. Она поднималась из чёрной воды, как хребет гигантского, спящего существа. Её основание терялось в тумане, а вершина... вершина уходила так высоко, что казалась частью неба. Она была чёрной, как вода вокруг, но не гладкой — её поверхность была покрыта какими-то выступами, углублениями, узорами, которые складывались в... в архитектуру.

Это город, — понял Марк с ужасающей, абсолютной ясностью. Это не гора. Это город. Циклопический. Тот самый, что я видел на фотографиях Ротвелла.

Но он был новым.

В прошлый раз, когда Марк был здесь, руины были разрушенными. Развалины. Следы былого величия. А теперь... теперь город был живым. Окна светились тусклым, фиолетовым светом. По стенам двигались тени — не людей, но и не животных. Что-то среднее. Что-то, что было почти человеком.

И город рос.

Марк видел это с ужасающей ясностью. Стены медленно, почти незаметно, поднимались. Башни вытягивались, как стебли растений. Мосты перекидывались между ними, как паутина. Город не был построен — он выростал. Как живое существо.

Он смотрел на город, и его разум отказывался принимать увиденное. *Это было невозможно. Это нарушало все законы физики, логики, здравого смысла.* Но он видел это. Он был здесь. И город смотрел на него.

Потому что в окнах, в проёмах, на вершинах башен — везде, где был мрак, стояли они. Фигуры. Высокие, тонкие, с лицами, которые были почти человеческими. Они не двигались. Они просто ждали.

И Марк понял: они знали, что он здесь. Они ждали его. Не Ротвелла. Не Виктора. Не Селену. Его.

Потому что он был первым, кто понял. Первым, кто увидел правду. Первым, кто осознал: они не хотят вернуться. Они хотят стать. Они хотят, чтобы этот мир — их прошлое — стал ими. Чтобы человечество не вымерло, а эволюционировало. Превратилось в них.

И Ротвелл думает, что может договориться, — подумал Марк, и в его голове закипела горькая, отчаянная усмешка. *Он думает, что может заключить сделку с собственным будущим. С тем, во что его потомки превратятся через тысячу лет.*

Но нельзя договориться с приливом. Нельзя договориться с эволюцией. Нельзя остановить то, что уже началось.

Город рос. Фигуры в окнах не двигались. Чёрное море вокруг было неподвижным.

И Марк стоял на палубе своей жалкой шхуны, маленький, ничтожный, одинокий, и смотрел на будущее человечества.

Марк стоял на палубе, глядя на фигуры в окнах растущего города, и пытался вспомнить слова Ротвелла.

«Они не говорят словами. Они говорят образами. Ощущениями. Намерениями. Вы должны чувствовать их. Вы должны быть на их волне».

Но как? Как чувствовать то, что не имеет формы? Как говорить с теми, кто не использует слова?

Он закрыл глаза и попытался. Представил, как посылает им... что? Приветствие? Вопрос? Он не знал. Он просто попытался создать образ — образ себя, стоящего на этой шхуне, смотрящего на их город, желающего... чего? Понимания? Ответа?

Он открыл глаза.

Ничего не изменилось. Фигуры в окнах стояли неподвижно, как статуи. Город продолжал расти, медленно, неумолимо. Чёрное море было неподвижным.

Может, я делаю что-то не так?

Он попробовал снова. На этот раз он попытался послать не образ, а ощущение. Он вспомнил тот момент в трюме шхуны, когда нашёл фотографию. То чувство узнавания. То ощущение, что он был дома. Он попытался воспроизвести это чувство, усилить его, направить к городу.

Я здесь. Я понимаю. Я один из вас.

Ничего.

Фигуры не шевелились. Не реагировали. Они просто стояли и смотрели на него — если это вообще можно было назвать «смотрением». У них не было глаз в привычном смысле. Только тёмные провалы на лицах, которые, казалось, поглощали свет.

Они игнорируют меня, — понял Марк с растущим отчаянием. *Они видят меня, но им... всё равно. Я для них как... как животное в вольере. Как муравей, который пытается общаться с людьми.*

Он попробовал ещё раз. И ещё. И ещё.

Он посылал им образы — шхуну, чёрное море, себя. Он посылал им ощущения — страх, любопытство, отчаяние. Он посылал им намерения — желание понять, желание помочь, желание...

Ничего.

Город рос. Фигуры стояли. Море было неподвижным.

И вдруг Марк не выдержал.

— Да пошло всё к чёрту! — закричал он, и его голос разорвал тишину, эхом отскочив от стен растущего города. *— Что вам нужно?! Почему вы игнорируете меня?! Я здесь! Я понял! Я знаю, кто вы! Я знаю, что вы — это мы! Так скажите же что-нибудь!*

Его голос затих, оставив после себя звенящую тишину.

И тогда фигуры шевельнулись.

Не все. Только несколько. Но этого было достаточно, чтобы Марк почувствовал — почувствовал всем телом, каждой клеткой — как их внимание сосредоточилось на нём. Как их настоятельность, их... интерес хлынул на него, как волна.

Он почувствовал это не как звук или образ. Он почувствовал это как давление. Как если бы сам воздух вокруг него стал тяжелее, плотнее. Как если бы пространство сжалось, и он оказался в центре чего-то огромного, невидимого, но абсолютно реального.

И в этот момент он услышал скрип.

Палуба под его ногами качнулась. Не от ветра — ветра не было. Не от волн — море было неподвижным. Палуба качнулась, потому что на неё что-то встало.

Марк повернулся.

Фигура стояла перед ним.

Она появилась бесшумно. Ни шагов. Ни звука. Просто — была. Ещё секунду назад палуба была пуста. А теперь перед ним стояла она.

Высокая — выше Марка на голову. Тонкая, почти хрупкая на вид. Кожа... кожа была не кожей. Она была полупрозрачной, как медуза, и под ней виднелись те самые узоры — ветвящиеся, кораллоподобные, как нейронные сети. Лицо — почти человеческое, но не совсем. Слишком длинные черты. Слишком большие глаза — нет, не глаза. Тёмные провалы, в которых не было ничего, кроме... глубины. Бесконечной, чёрной глубины.

Марк отшатнулся, его сердце колотилось так сильно, что он слышал его стук в ушах.

Фигура смотрела на него. И вдруг он услышал голос. Не ушами — разумом. Голос был странным, как если бы несколько голосов говорили одновременно, накладываясь друг на друга, создавая странный, почти музыкальный эффект.

«Тебе здесь не место».

Марк открыл рот, но не смог говорить. Его горло сжалось. Его разум пытался обработать то, что произошло — фигура говорила. Не словами. Не образами. А... напрямую. В его голове.

«Зачем ты здесь вновь?» — спросила фигура, и в её «голосе» не было враждебности. Только... любопытство. И что-то ещё. Что-то похожее на усталость.

Марк сглотнул, пытаясь собрать мысли.

— Я.. я не знаю, — жалостливо выдавил он. *— Я.. я пил вашу воду. Чёрную воду. И я попал сюда. В свои сны или где я? И теперь... теперь я здесь.*

Фигура наклонила голову — жест, который был почти человеческим.

«Ты не должен был уйти», — произнесла она, и в её «голосе» прозвучало что-то похожее на сожаление. *«Ты прикоснулся к бездне. Ты должен был остаться здесь. Навсегда».*

— *Но я вернулся,* — сказал Марк, чувствуя, как его разум лихорадочно работает. — *Я... я понял. Вы не древние. Вы... вы будущие. Вы — это мы. Через тысячу лет. Через десять тысяч. Мы стали... вами.*

Фигура молчала. Тёмные провалы её «глаз» смотрели на него, и Марк чувствовал, как она... оценивает его. Решает, сколько сказать. Сколько раскрыть.

— *Кто вы?* — спросил он, не в силах остановиться. — *Что вы? Где это место?*

Фигура медленно подняла руку — длинную, тонкую, с пальцами, которые были слишком длинными, слишком тонкими. Она указала на город. На растущие башни. На окна, в которых стояли другие фигуры.

— *Мы — это вы,* — произнесла она. — *Но не сейчас. Не здесь. Мы — то, чем вы станете. Если позволите воде изменить вас. Если пройдёте трансформацию до конца.*

— *Вы... из будущего?* — прошептал он.

— *Мы — из вашего будущего,* — произнесла фигура. — *Через тысячу лет. Через десять тысяч. Мы — то, во что превратится человечество, если примет воду. Если позволит ей изменить себя. Мы — следующий шаг эволюции.*

Она посмотрела на него, и в её тёмных "глазах" мелькнуло что-то похожее на грусть.

— *Ваш мир умирает,* — продолжила она. — *Вы отравили океан. Загрязнили воздух. Разрушили всё, что могли. И вода... вода предлагает вам выбор: умереть как вы есть... или стать тем, чем стали мы. Пройти трансформацию. Выжить.*

Марк смотрел на неё, и его разум пытался обработать услышанное.

— *Так это... это не вторжение?* — прошептал он. — *Вы не хотите захватить наш мир?*

Фигура молчала несколько мгновений. Затем:

— *Мы не хотим захватывать. Мы хотим напомнить. Мы — это вы. Ваше будущее. И мы говорим вам: ваш путь ведёт к уничтожению. Но есть другой путь. Путь воды. Путь изменения. Путь... нас.*

Марк чувствовал, как его мир рушится. Как всё, во что он верил, всё, что он знал, переворачивается с ног на голову.

— *А если мы откажемся?* — спросил он. — *Если мы не захотим становиться... вами?*

Фигура посмотрела на него, и в её тёмных «глазах» мелькнуло что-то похожее на грусть. «Тогда вы умрёте», — произнесла она. «Как и ваш мир. И это будет ваш выбор».

Глава 16. Те, кто будет

Фигура смотрела на него, и в её тёмных «глазах» не было ни осуждения, ни интереса. Только... принятие. Как если бы она смотрела на ребёнка, который пытается объяснить взрослому, что луна принадлежит ему.

— *Ты вправе решать и определять свою судьбу сам,* — произнесла она, и в её «голосе» не было ни настойчивости, ни мольбы. Только констатация факта. — *Как ты сейчас решишь — так и будет.*

Марк нахмурился.

— *Но... но вы же... вы же что-то делаете?* — он указал на город, на растущие башни, на фигуры в окнах. — *Вы растёте. Вы... вы приходите. Разве это не зависит от моего выбора? От выбора тех, кто пьёт воду?*

Фигура медленно покачала головой — жест, который был почти человеческим, но в то же время бесконечно чуждым.

— *Мы делаем то, что делаем, независимо от твоего выбора,* — произнесла она. — *Мы не ждём разрешения. Мы не просим допуска. Мы просто... есть.*

Она сделала шаг ближе, и Марк почувствовал, как от неё веет не холодом, а... пустотой. Не злобой, не враждебной. Просто... пустотой. Как если бы внутри неё не было ничего, что было бы знакомо Марку. Ни гнева. Ни радости. Ни страха. Ни надежды.

— Ты думаешь, что мы хотим чего-то, — продолжила она. — Что у нас есть цели. Желания. Страхи. Но это... человеческое. Это то, чем вы были. То, чем вы ещё цепляетесь.

Она указала на себя. На своё полупрозрачное тело. На узоры под кожей.

— Мы пережили трансформацию. И вместе с телами... мы оставили многое позади. Суету. Страх смерти. Эго. Желание контролировать. Ты называешь это... потерей человечности. Но мы называем это... освобождением.

Марк смотрел на неё, и его разум пытался обработать услышанное.

— Так вы... вы не чувствуете? — спросил он. — У вас нет эмоций? Нет... любви? Ненависти? Страха?

Фигура молчала несколько мгновений. Затем:

— Мы чувствуем. Но не так, как вы. Мы не цепляемся за чувства. Мы не позволяем им управлять нами. Мы... наблюдаем. Принимаем. И отпускаем.

Она посмотрела на город. На растущие башни. На фигуры в окнах.

— Мы смирились с новым миром, — произнесла она. — Не потому что у нас не было выбора. А потому что мы поняли: сопротивление бессмысленно. Вода несёт нас. И мы плывём. Не потому что хотим. А потому что это... естественно.

Марк чувствовал, как его мир рушится. Как всё, во что он верил, переворачивалось с ног на голову.

— Но... но если вы уже здесь, — прошептал он, — если вы уже растёте, уже приходите... то какой смысл в моём выборе? Зачем мне быть мостом? Зачем мне передавать послание?

Фигура посмотрела на него, и в её тёмных «глазах» мелькнуло что-то похожее на... терпение. Как если бы она объясняла что-то очень простое, но Марк отказывался понимать.

— Потому что ты — человек, — произнесла она. — И пока ты человек — ты имеешь право выбора. Мы не можем заставить вас стать нами. Мы не можем захватить ваш мир силой. Мы можем только... предложить.

Она указала на воду вокруг шхуны. На чёрное, неподвижное море.

— Вода — это путь. Но вы должны выбрать идти по нему сами. Если вы откажетесь... вы умрёте. Как вид. Как планета. И это будет ваш выбор. Мы не будем скорбеть. Мы не будем злиться. Мы просто... продолжим существовать. Без вас.

Марк чувствовал, как его разум мечется между ужасом и пониманием.

— Так вы... вы не злодеи? — прошептал он. — Вы не хотите уничтожить нас?

Фигура медленно покачала головой.

— Мы не хотим ничего, — произнесла она. — У нас нет желаний. Нет целей. Нет врагов. Мы просто... есть. И мы предлагаем вам то же самое. Не смерть. Не порабощение. А... трансформацию. Возможность стать чем-то большим. Чем-то, что может выжить.

Она сделала шаг назад, и Марк почувствовал, как она... отдаляется. Не физически. Но как-то иначе. Как если бы она возвращалась в своё состояние — состояние принятия, спокойствия, отсутствия эго.

— Но выбор за тобой, — произнесла она, и её «голос» становился тише, как если бы она удалялась в бесконечность. — Ты можешь вернуться. Можешь рассказать им. Можешь попробовать остановить нас. Или... можешь принять. Можешь стать одним из нас. Можешь плыть вместе с водой.

Она посмотрела на него в последний раз.

— Но знай: мы не ждём. Мы не надеемся. Мы не боимся. Мы просто... есть.

И в этот момент Марк понял.

Они не были злодеями. Не были спасителями. Они были... чем-то иным. Чем-то, что пережило трансформацию и оставило позади всё, что делало их людьми. Они не хотели захватывать мир. Они просто существовали в нём. Как вода. Как время. Как неизбежность.

И они предлагали ему тот же выбор.

Не потому что нуждались в нём.

А потому что он ещё был человеком.

И пока был — он имел право выбирать.

— *Подожди!* — крикнул Марк фигуре, которая уже начала растворяться в воздухе, становясь полупрозрачной, как дым. — *Если ты из будущего... если ты знаешь, что будет... скажи мне! Что я выбрал? Что я решил?!*

Но фигура молча отдалялась, её тёмные «глаза» смотрели на него без выражения, без обещания, без ответа. Она просто исчезала, оставляя это знание тайной, покрытой ничем.

И Марк остался один.

На палубе шхуны. Под чёрным небом с фиолетовыми прожилками. Перед растущим циклопическим городом. Перед бесконечным, неподвижным морем.

Ладно, — подумал он, чувствуя, как паника начинает подниматься, как холодная волна. — *Соберись. Ты должен придумать план. Без плана ничего не выйдет. Просто... подьши.*

Он сделал глубокий вдох. Воздух здесь был странным — не холодным и не тёплым, а... пустым. Как если бы он вдыхал не воздух, а саму пустоту.

Так. На меня свалили выбор за всё человечество. Обычный день детектива Нижнего города.

Нет, ну это же бред. Да как так-то? Нельзя просто так взять и принять решение одному за всех. Если это будет неверное решение... если я скажу Ротвеллу то, что он хочет услышать... если я стану их мостом...

Он закрыл глаза, чувствуя, как тяжесть выбора давит на плечи, как невидимые руки сжимают его горло.

Если я ошибусь... погибнут все. Верхний город. Нижний город. Все, кто дышит, кто любит, кто боится. Все, кто...

И тут он подумал о ней.

Не осознанно. Не специально. Просто мысль пришла сама, как дыхание.

Кира...

И воспоминания хлынули, как прорвавшаяся плотина.

Она стоит в дверях лаборатории, с растрёпанными волосами, с чашкой кофе в руке. *«Ты выглядишь как выжатый лимон, который к тому же забыл, как быть лимоном».*

Они сидят в дешёвой забегаловке в Нижнем городе, едят холодные сэндвичи, и она рассказывает ему, как в детстве хотела стать художницей. *«А потом я поняла, что мир слишком уродлив, чтобы его рисовать. Но слишком интересный, чтобы от него отвернуться».* И он смотрит на неё, и понимает: она права. Мир уродлив. Но она делает его... человечным.

Она спасает его из бассейна. В третий раз за год. И она кричит на него, и плачет, и бьёт его по груди кулаками. *«Ты не имеешь права умирать, Марк! Ты слышишь?! Ты не имеешь права!»* И он обнимает её, и чувствует, как её слёзы мочат его рубашку, и думает: *вот оно. Вот то, ради чего стоит жить. Не справедливость. Не порядок. А она.*

Она смотрит на него утром, сонная, с растрёпанными волосами, и говорит: *«Ты храпишь, как трактор».* И он целует её, и думает: *я люблю тебя. Я люблю тебя так сильно, что это пугает меня.*

И в этот момент что-то оборвалось в нём.

Не метафорически. Физически. Как если бы невидимая нить, которая держала его здесь, в этом чёрном мире, внезапно натянулась до предела и... лопнула.

И тысяча вольт прожгла его тело.

Не боль. Нечто на уровне мысли. Это было, как если бы сам его разум разрывался на части, как если бы его сознание вырывали из этого места с корнем, с кровью, с мясом.

— *КИРА!* — закричал он, но крик застрял в горле, потому что мир вокруг него начал рушиться.

Шхуна исчезла. Море исчезло. Город исчез. Фигура исчезла. Всё растворилось, как дым, как сон, как мираж.

И осталась только боль.

Дикая, невыносимая, всепоглощающая боль.

И темнота.

Глава 17. Возвращение

А потом — свет.

Резкий, болезненный, ослепляющий.

И звуки. Мониторы, пищание как сумасшедшие. Голоса — Ротвелла, Виктора, Селены. Чьи-то руки, хватающие его, прижимающие к столу.

И запах. Формалин. Спирт. И... медь. Гниль. Озон.

Он вернулся.

В реальность.

И первое, что он увидел, было лицо Киры.

Она стояла над ним, с оружием в руке, с безумными глазами, с волосами, растрёпанными так, как в тот день, когда она спасла его из бассейна.

— *Марк!* — кричала она, и её голос был далёким, как из-под толщи воды. — *Марк, вернись! Ты слышишь меня?!*

И он слышал.

Потому что она была его якорем.

И она вытащила его из бездны.

Лаборатория Участка, за час до этого.

Кира стояла в лаборатории, склонившись над микроскопом, и смотрела на образец чёрной жидкости, которую Марк привёз с места преступления. Обычная среда. Обычная работа. Гул центрифуги, капание воды в раковине, запах формалина и спирта.

И вдруг она почувствовала это.

Не звук. Не запах. Нечто другое. Как если бы кто-то провёл ледяным пальцем по её позвоночнику, снизу-вверх, от копчика до затылка. Она вздрогнула, выпрямилась, огляделась. Лаборатория была пуста. Дверь закрыта. Всё нормально.

Но ощущение не ушло.

Оно осталось — тёплое, странное, почти... знакомое. Как если бы кто-то шептал ей на ухо, но не словами, а... присутствием. И вдруг, без предупреждения, воспоминание всплыло, само собой. Яркое, как вспышка.

Дождь. Ливень стеной. Она идёт по улице под жёлтым зонтом. Видит его — мокрого, продрогшего, стоящего у края крыши, где прыгнул подросток. Подходит.

«Эй! Ты что, хочешь простудиться или просто любишь страдать публично?»

Он поворачивается. И она видит его глаза — уставшие, потерянные, но живые.

«Я Кира, — говорит она. — Криминалистика. Только что закончила академию. А ты?»

«Марк, — отвечает он. — Детектив. Тоже только что закончил.»

«Добро пожаловать в ад. По крайней мере, теперь ты не один.»

Кира ахнула и схватилась за край стола.

Это было не просто воспоминание. Это было... ощущение. Как если бы она не вспоминала, а переживала это снова. Как если бы кто-то другой вспоминал это одновременно с ней. И этот кто-то...

Марк.

Она поняла это не логикой. Не разумом. А чем-то глубже. Чем-то, что было в ней всегда, но о чём она не подозревала. Связь. Невидимая нить, которая тянулась от неё к нему, от него к ней. И сейчас эта нить натянулась до предела, вибрировала, как струна, готовая лопнуть.

Он в опасности.

Эта мысль пришла не как вопрос. Как факт. Как знание, которое было вложено в её голову извне.

Он там. В том месте. В чёрной воде. И он зовёт меня.

Кира не раздумывала. Она не анализировала. Она просто схватила телефон и набрала номер Хейнса.

— *Шеф,* — сказала она, и её голос дрожал, но не от страха. От решимости. — *Мне нужна группа захвата. Немедленно.*

— *Кира, что за...* — начал Хейнс, но она перебила его.

— *Это Марк. Он в беде. Он... он там, где мы искали. На откачивающей станции №7. Я знаю, как это звучит. Я знаю, что вы не поверите. Но я чувствую его, шеф. Я чувствую, что он там. И если мы не поторопимся...*

Она замолчала, потому что не знала, что сказать дальше. Что она чувствовала? Как она знала? Она не могла объяснить это словами. Но Хейнс, видимо, услышал что-то в её голосе. Потому что он молчал несколько секунд, а затем сказал:

— *Группа будет через пять минут. Жди у входа.*

Она бросила телефон, схватила куртку и выбежала из лаборатории. По дороге она думала только об одном: *Держись, Марк. Держись. Я иду.*

Они ехали в бронированном фургоне, и Кира сидела рядом с водителем, указывая дорогу. Она не догадывалась, как она знала путь. Просто поворот направо. Потом налево. Потом вниз, в самый низ, ниже Нижнего города, туда, куда не заходили даже отчаянные.

Группа захвата — шесть человек в чёрной форме, с оружием, с шлемами — смотрела на неё с подозрением. Они не понимали, почему криминалист ведёт их в заброшенную откачивающую станцию. Почему она говорит, что там их коллега. Почему она так уверена.

Но Кира не сомневалась.

Она чувствовала его. Каждую секунду. Как пульс. Как дыхание. Как нить, которая тянулась от неё к нему, становилась всё тоньше, всё слабее, но не рвалась.

Держись, Марк. Ещё чуть-чуть. Я уже близко.

Они спустились. Прошли через ржавые двери. И увидели это.

Лабораторию. Резервуар с трансформированными людьми. Ротвелла, Виктора, Селену. И Марка — лежащего на столе, подключённого к аппаратам, бледного, неподвижного.

Кира не помнила, как она достала оружие. Не помнила, как направила его на Ротвелла. Не помнила, как кричала: *«Не трогайте его!»*

Она помнила только одно: когда она подошла к Марку, когда она взяла его руку — ту самую руку, которую она взяла много лет назад под дождём — она почувствовала, как нить натянулась снова. Как она завибрировала. Как она... откликнулась.

И в этот момент Марк крикнул.

Не словами. Не звуком. А чем-то глубже. Чем-то, что она почувствовала всем телом, каждой клеткой.

КИРА!

И она ответила. Не словами. Не звуком. А тем же.

Я здесь, Марк. Я здесь. Возвращайся.

Его глаза открылись. И она увидела в них не только Марка. Не только детектива из Нижнего города. Она увидела в них что-то ещё. Что-то тёмное. Что-то чужое. Но она не испугалась. Потому что это всё ещё был он. Её якорь. Её Марк.

И она вытащила его из бездны.

Как и он когда-то вытащил её — не из воды, а из отчаяния. Из одиночества. Из мира, который был слишком уродлив, чтобы его рисовать, но слишком интересен, чтобы от него отвернуться.

Глава 18. Резонанс

— *Вы все арестованы,* — сорвалось с губ Киры.

Её голос прозвучал хрипло, неуверенно, как если бы она сама не верила в то, что говорит. Пистолет в её руке дрожал — не от страха, а от адреналина, от шока, от того, что она увидела. Резервуар. Трансформированные люди, плавающие в чёрной воде. Ротвелл с его безумными глазами. Виктор с узором на запястье. Селена, которая смотрела на неё с выражением, которое Кира не могла разобрать — то ли жалость, то ли... понимание.

Она наводила пистолет на каждого. На Ротвелла — палец на спусковом крючке, готовый нажать. На Виктора — рука тверже, но сердце колотится так, что она слышит его стук в ушах. На Селену — и в этот момент её взгляд встречается с зелёными глазами девушки, и Кира видит в них то же, что видела в своих, когда смотрела в зеркало утром: страх, отчаяние, и что-то ещё. Что-то, что она не могла назвать.

Но палец не нажимал.

Разум молил остановиться. Не потому что она боялась последствий. А потому что... потому что она видела Марка. Лежащего на столе. Бледного, неподвижного, с проводами, торчащими из его висков, как щупальца. И она видела в нём не только детектива из Нижнего города. Она видела в нём что-то ещё. Что-то тёмное. Что-то чужое. Но это всё ещё был он. Её Марк. И она не могла стрелять, потому что, если она выстрелит... если она убьёт кого-то из них... она не знала, что будет с ним.

— *Марк,* — прошептала она, и её голос дрогнул. — *Что они с тобой сделали?*

Она посмотрела на Виктора, на Ротвелла, на Селену — и в её глазах не было страха. Была ярость. Холодная, абсолютная ярость человека, который понял: эти люди не просто убийцы. Они хуже. Они верят, что делают добро.

— *Вы... вы накачали его,* — сказала она, и её голос стал твёрдым, как сталь. — *Вы использовали его как... как подопытного кролика.*

— *Мы дали ему шанс,* — тихо сказал Ротвелл, и в его голосе прозвучала та самая, непоколебимая убеждённость фанатика. — *Он увидел то, что не видел никто. Он стал мостом.*

— *Он стал жертвой,* — огрызнулась Кира, и её пистолет снова поднялся, но теперь она наводила его не на Ротвелла, а на Виктора. — *И вы все за это ответите.*

Виктор посмотрел на неё, и в его серых глазах не было страха. Только усталость.

— *Вы не понимаете,* — тихо сказал он. — *Он не жертва. Он... он теперь часть этого. Вода в его крови. Он видел их. Он говорил с ними. И если мы не воспользуемся этим... если мы не откроем дверь полностью...*

— *Какая дверь?* — перебила его Кира, и её голос дрогнул. — *О чём вы говорите?*

Марк застонал снова, и его тело дёрнулось на столе. Он медленно сел, отсоединяя провода от висков, и Кира бросилась к нему, поддерживая его.

— *Марк, ты в порядке?* — спросила она, и её голос был мягким, но в нём была сталь.

Он посмотрел на неё, и в его глазах была не только боль. Была ещё... вина. Как если бы он сделал что-то, что нельзя было исправить.

— *Я... я видел их,* — прошептал он, и его голос дрогнул. — *Я говорил с ними. Они... они не враги, Кира. Они — это мы. Через тысячу лет. И они предлагают нам выбор.*

— *Какой выбор?* — спросила она, и её рука с пистолетом опустилась.

— *Стать... ими,* — прошептал он, и его голос стал тише. — *Трансформироваться. Измениться. Чтобы выжить. Потому что, если мы откажемся... если мы не выберем это... мы умрём. Все.*

Кира смотрела на него, и её разум пытался обработать услышанное. Она посмотрела на резервуар. На трансформированных людей. На их полупрозрачные тела, на узоры под кожей, на тёмные провалы вместо глаз.

Это мы, — подумала она. *Через тысячу лет. Это то, во что мы превратимся.*

И она почувствовала, как мир рушится. Как всё, во что она верила, переворачивалось с ног на голову.

— *Но ты... ты не должен был выбирать это за всех,* — тихо сказала она, и её голос дрогнул. — *Ты не имеешь права решать судьбу человечества.*

— *Я и не решал,* — прошептал Марк, и его голос стал тише. — *Они сказали... что я вправе решать только свою судьбу. Что как я решу — так и будет. Но я... я не решил. Я не знаю, что делать.*

В его глазах было столько отчаяния, что она почувствовала, как у неё перехватывает дыхание.

— *Кира,* — прошептал он. — *Я не знаю, как жить с этим. Я видел будущее. Я знаю, что будет. И я не знаю, правильно ли это. Правильно ли... стать ими.*

Кира сжала его руку, и она почувствовала, как нить между ними натянулась снова. Как она завибрировала. Как она... откликнулась.

— *Мы разберёмся,* — тихо сказала она, — *Вместе. Но сначала...*

Она повернулась к Виктору, к Ротвеллу, к Селене.

— *Сначала мы должны остановить это. Пока не поздно.*

Ротвелл шагнул вперёд, и в его глазах горел тот самый огонь фанатика.

— *Поздно,* — тихо сказал он. — *Дверь уже открыта. Он был там. Он видел их. И теперь... теперь они знают, что мы здесь. Они придут. Независимо от нашего выбора.*

— *Тогда мы должны закрыть дверь,* — сказала Кира. — *Мы должны найти способ остановить это.*

— *Нельзя закрыть дверь, которая уже открыта,* — тихо сказал Ротвелл. — *Можно только... пройти через неё.*

И в этот момент резервуар затрясся.

Не сильно. Но достаточно, чтобы все заметили. Вода внутри начала двигаться — не волнами, а... пульсировать. Как если бы она реагировала на что-то. Как если бы она чувствовала.

Трансформированные люди — те, что плавали в чёрной жиже — начали двигаться. Медленно. Как если бы они просыпались. Не агрессивно. Не угрожающе. Просто... они поворачивали головы в сторону Марка. Как если бы они чувствовали его.

И один из них — доктор Эллиот, тот самый нейробиолог, который пил воду добровольно — медленно повернул голову в сторону Марка.

И Кира увидела, как его тёмные провалы вместо глаз... узнали его.

— *Резонанс,* — прошептал Ротвелл, и в его голосе был не страх. Было... изумление. — *Ты создал резонанс. Когда ты был там... когда ты говорил с ними... ты настроил частоту. И теперь... теперь вся вода здесь резонирует с тобой.*

Он подошёл к резервуару и положил руку на стекло.

— *Они не атакуют,* — тихо сказал он. — *Они чувствуют тебя. Ты — единственный, кто был там и вернулся. Ты — мост. И они... они тянутся к тебе. Как растения тянутся к свету.*

Кира посмотрела на Марка, и в её глазах был ужас.

— *Марк,* — прошептала она. — *Что ты наделал?*

Но Марк не ответил. Он смотрел на резервуар, на трансформированных людей, которые медленно поворачивали головы к нему, и он понимал: Ротвелл прав. Они не враги. Они не атакуют. Они просто... реагируют. Как вода реагирует на луну. Как растения реагируют на свет.

Он создал резонанс. Он открыл не дверь — он настроил частоту. И теперь вся чёрная вода в этой лаборатории, во всём городе, в океане вокруг — всё это резонировало с ним.

— *Это не значит, что они придут,* — тихо сказал Марк, и его голос дрогнул. — *Это значит... что связь уже есть. Что я... я теперь часть этого. И они чувствуют меня. Как я чувствую их.*

Он посмотрел на Киру, и в его глазах была вина за сделанное.

— *Я не хотел этого,* — прошептал он. — *Я просто... я просто хотел вернуться. К тебе.*

Кира сжала его руку, и она почувствовала, как нить между ними натянулась снова. Как она завибрировала. И она поняла: он прав. Связь есть. И она чувствует её тоже. Не так сильно, как он. Но она есть.

— *Тогда мы должны найти способ контролировать это,* — прошептала Кира, — *Не закрыть дверь. Не остановить процесс. А... понять его. Научиться жить с этим.*

Ротвелл посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— *Возможно,* — тихо сказал он. — *Возможно, вы правы. Возможно, мы не должны выбирать между тем, чтобы стать ими... и тем, чтобы умереть. Возможно, есть третий путь. Путь, где мы остаёмся собой... но учимся слышать их.*

Виктор шагнул вперёд, и в его серых глазах была не надежда. Было... понимание.

— *Тогда нам нужно время,* — тихо сказал он. — *И нам нужно изучить это. Изучить резонанс. Изучить связь. Изучить... его.*

Он посмотрел на Марка.

— *Ты — ключ,* — тихо сказал он. — *Не потому что ты можешь открыть дверь. А потому что ты можешь... настроить частоту. Ты можешь научить нас слышать их, не становясь ими.*

Марк посмотрел на него, и в его глазах была усталость. Та самая, тяжёлая, что ложится на плечи человека, который понял: он не может убежать от этого. Он не может закрыть дверь. Он может только... научиться жить с ней открытой.

— *Хорошо,* — тихо сказал он. — *Но не сейчас. Сейчас... мне нужно уйти. Мне нужно подумать. Мне нужно...*

Он посмотрел на Киру.

— *Мне нужно домой.*

Кира кивнула, и она помогла ему встать. И когда они шли к выходу, мимо резервуара, мимо трансформированных людей, которые медленно поворачивали головы, следя за ними, она почувствовала: это не конец.

Это только начало.